

Н О В А Р И Я

ЛАЙОН
СПРЭГ

ДЕКАМП

БАШНЯ
ГОБЛИНОВ

Новария

Лайон Спрэг де Камп

Башня гоблинов

ООО "Эвербук"

1968

Спрэг де Камп Л.

Башня гоблинов / Л. Спрэг де Камп — ООО "Эвербук",
1968 — (Новария)

ISBN 978-5-00-580265-1

В королевстве Ксилар, одном из двенадцати городов-государств Новарии, есть своеобразный обычай. Жители выбирают короля на пять лет, а после отрубая ему голову и выбрасывают в толпу. Тот, кто ловит злополучный подарок, становится следующим правителем. Так к власти приходит Джориан из Кортоли – могущественный и умный мужчина со слабостью к женщинам и тягой к приключениям. За время правления Джориан сделал королевство сильным и влиятельным. Но срок подходит к концу и отважного новарийца ждет участь предшественников. Вот только смерть не входит в его планы.

ISBN 978-5-00-580265-1

© Спрэг де Камп Л., 1968

© ООО "Эвербук", 1968

Содержание

I	5
II	20
III	38
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Лайон Спрэг де Камп

Башня гоблинов

I

Моток веревки

– Забавный у вас обычай, – произнес варвар, – раз в пять лет отрубать королю голову. Трудненько, поди, найти желающих на трон!

Палач на помосте потенькал оселком по сверкающему острию топора, затем спрятал оселок в подсумок, оглядел лезвие и на пробу потрогал его большим пальцем. Толпящиеся внизу зеваки не могли разглядеть его удовлетворенной улыбки – лицо скрывал черный колпак с прорезями для глаз. Топор палача не годился ни воину, ни дровосеку. Топорище, выструганное из доброго темного дуба, ничем не отличалось от обычного, зато отливающее голубизной стальное лезвие было необычайно широким и напоминало секач мясника.

Помост возвышался посреди плаца, который был разбит под стенами города Ксилара, возле Южных ворот. Сегодня здесь собралось почти все население города, не считая многочисленных жителей окрестных сел и деревень. Вокруг помоста выстроились в четыре ряда вооруженные копьями стражники в вороненых кольчугах поверх алых рубашек. Стража бдительно следила, чтобы те, кому не досталось приглашения, не лезли к помосту во время церемонии, а еще – чтобы жертва не вздумала удрать. Два внешних ряда стражников были развернуты к толпе, два других – к помосту.

С трех сторон помост окружали скамьи, на которых, пестрея алыми, зелеными, золотыми и белыми одеждами, восседала ксиларская знать. Еще одна цепь стражников отделяла высококордных от простолюдинов. Последние, сбившись в серо-черно-бурую массу, запрудившую почти все поле, безропотно ждали начала церемонии.

У западного края возвышения толпа напирала на внутренние ряды стражников. Эта часть толпы состояла в основном из молодежи. Среди городских мастеровых и крестьян с окрестных хуторов то и дело мелькали отпрыски захудалых дворянских семейств. Лоточники сновали в толпе, предлагая пироги, сосиски, фрукты, сардины, вино, пиво, сидр, зонтики и амулеты от сглаза. По краю поля, не смешиваясь с толпой зевак, гарцевали закованные в латы всадники охраны; на их белых плащах алели песочные часы – символ Ксилара.

Высоко в безоблачном небе пылало солнце. Слабый ветерок чуть шевелил листья дубов, тополей и камедных деревьев, окаймлявших поле, и трепал красно-белые стяги на флагштоках по углам помоста. Скучная листва камедных деревьев уже окрасилась багрянцем.

– Кандидатов всегда предостаточно, принц Вилимир, – ответил варвару сидящий на местах для знати канцлер Таронус. – Взгляните, какая давка у западного края помоста!

– А голову что, в ту сторону будут бросать? – поинтересовался принц Вилимир, ковыряя ногтем в зубах и пытаясь извлечь застрявший кусок жаркого.

Вилимир был гладко выбрит, но длинные светлые, тронутые сединой волосы, меховая шапка, куртка на меху и отороченные мехом сапоги для верховой езды делали принца похожим на дикаря. Многочисленные литые украшения из золота и серебра брэнчали при ходьбе. В свое время Вилимир стал предводителем клана, потерпевшего поражение в междоусобной войне за право сесть на ханский трон Гендингов, и с тех пор находился в изгнании. Его соперник, он же дядя, по сию пору правил свирепой кочевой ордой...

Таронус кивнул:

– Угу, кто первый поймает, тот и будет нашим новым королем.

Таронус был плотный мужчина средних лет, закутанный в просторный лазоревый плащ – из боязни подхватить простуду на первом осеннем холодке.

– Верховный судья швырнет голову прямо в толпу. По правилам король должен отрастить волосы, чтобы судье было за что ухватиться. Один король в ночь перед церемонией обрил себе голову, и палачу пришлось ему сквозь уши продернуть бечевку. Совершеннейший скандал.

– Вот неблагодарный малый, клянусь бородой Грайпнека! – заметил Вилимир, и его худую, обезображенную шрамом физиономию прорезала волчья ухмылка. – Уж будто пяти лет королевской роскоши мало. Кто это, король Джориан?

Швенский принц прекрасно говорил по-новарски, но северный акцент превратил имя Джориан в «Жориан».

– Ну да, – отозвался канцлер. Он наблюдал, как от Южных ворот к помосту по расчищенному стражниками проходу медленно движется небольшая процессия. – Месяц назад король брал меня с собой на охоту, – сказал Вилимир. – Похоже, он не робкого десятка, для сидня, конечно.

Принц употребил характерное для кочевников Швении словечко, которым те именуют некоевых, или оседлых. У кочевников словечко носило презрительный оттенок, но канцлер предпочел этого не заметить.

– Как выяснилось, он еще и поболтать мастак, – продолжал изгнанник, – и не всегда себе на пользу, я так понимаю. Но слушать забавно.

Канцлер рассеянно кивнул: процессия подошла довольно близко, и уже можно было различить лица. Во главе, наигрывая похоронный марш, двигался королевский оркестр. Следом шествовал убеленный сединами верховный судья Ксилара в долгополой черной мантии и с золотой цепью на шее. За ним шли четыре алебардщика, над которыми, как скала, возвышался король. Когда король проходил мимо, все стоящие у прохода и множество людей в других концах поля преклоняли колени.

Король Джориан был высокий сильный краснолицый молодой человек с глубоко посаженными карими глазами и копной черных, спадающих на плечи волос. На его безбородом лице выделялись небывалых размеров усы – они торчали в стороны, как бизоньи рога. Королевский нос, слегка искривленный в переносице, рассекал широкий рубец, который захватывал левую щеку и тянулся до самого подбородка. Одевание короля составляли лишь матерчатые туфли да короткие шелковые штаны; руки ему связали за спиной. Корона – тонкий золотой обруч с дюжиной широких прямых зубчиков – держалась на туго стянутом ремешке.

– Первый раз в жизни вижу корону с... этими, как их... с завязочками, – шепнул принц Вилимир.

– Когда бросают Жребий Имбала, корона обязательно должна быть на голове, – пояснил Таронус. – Как-то раз, давно, голову бросили, а корона возьми да и слети. Один схватил корону, другой – голову, и оба полезли на трон. Дело кончилось кровавой междоусобицей.

За алебардщиками шел худой смуглый человечек в скромной коричневой мантии и белом тюрбане, похожем на луковицу. Длинные шелковистые седые волосы и бороду трепал ветерок. Человечек был перепоясан веревкой, а на плече у него болталось что-то вроде ранца.

– Королевский духовник, – сказал канцлер Таронус. – Джориан, кажется, первый король Ксилара, которого в скорбный путь провожает язычник из Мальваны, а не один из наших святых отцов. Но Джориан уперся, и постановили, что несправедливо отказывать ему в последней просьбе.

– Кто... откуда король выкопал этого молодца? – спросил Вилимир.

Таронус пожал плечами:

– В последний год он стал принимать во дворце всякий подозрительный сброд. Тут объявился наш шарлатан – прошу прощения, святой отец Карадур, – которому, вне всякого сомне-

ния, пришлось убраться из собственной страны, после того как его поймали на богомерзкой ворожбе.

За Карадуром шли четыре молодые красавицы – королевские жены. У пятой днем раньше случились роды, и во дворце сочли, что ей не по силам вынести церемонию. Четыре присутствующие блистали шелками, золотом и драгоценностями. За женами следовал бритоголовый, облаченный в пурпурную рясу первосвященник Зеватаса, верховного божества новарского пантеона; затем два десятка дворцовых чиновников и фрейлин. Шествие замыкали Кирес-столяр, ведающий похоронными делами Ксилара, и шестеро друзей короля с новым гробом работы Киреса на плечах.

Когда процессия приблизилась к подножию помоста, оркестр умолк. Бросив вполголоса несколько слов, верховный судья в сопровождении двух из четырех алебардчиков взойшел на помост.

Король подарил четверем женам по прощальному поцелую. Красавицы повисли у Джориана на шее, рыдая и покрывая поцелуями его широкое грубоватое лицо.

– Ну-ну, – приговаривал Джориан утробным басом, в котором угадывался выговор кортольского крестьянина, – чего уж тут плакать, милочки мои распрекрасные.

Из трубок веселые боги пускают
Нас, как пузырьки, что кружатся, сверкают;
А лопнем – другие взамен прилетают¹.

Года не пройдет, найдете себе мужей получше меня.

– Не хотим других мужей! Одного тебя любим! – причитали жены.

– Детишкам нужны отчимы, – напомнил им король. – Ну а теперь давайте-ка обратно во дворец, негоже вам глядеть, как прольется кровь вашего повелителя. Тебя, Эстрильдис, это тоже касается.

– Нет! – закричала жена, к которой он обращался, коренастая синеглазая женщина, хоть и симпатичная, но самая невзрачная из четырех. – Я останусь с тобой до конца!

– Делай, что говорю, – мягко, но непреклонно ответил Джориан. – Не пойдешь своими ногами, велю тебя отнести. Ну, как поступим?

Два стражника, стоящие у помоста, аккуратно подхватили женщину под руки, и она, рыдая, бросилась догонять остальных.

– Прощайте! – крикнул Джориан и направился к помосту.

Король поднимался по ступенькам, с интересом разглядывая окружающих. Заметив в толпе знакомых, он улыбался и раскланивался. Большинству присутствующих казалось, что у Джориана слишком жизнерадостный вид для человека, которому вот-вот отрубят голову.

Когда Джориан твердым шагом ступил на помост, два шедших впереди алебардщика щелкнули пальцами, дабы привлечь внимание, и, салютуя королю, поднесли правые кулаки к левой скуле. Вслед за Джорианом на помост поднялись мальванский святой и первосвященник Зеватаса.

На дальней, западной стороне помоста, в нескольких футах от края, сияла свежей красной краской новенькая плаха. Между флагштоками примерно в половину человеческого роста была натянута сетка, чтобы в случае чего помешать голове скатиться на землю.

У плахи, опершись на топор, стоял палач. На нем, как и на Джориане, были только короткие штаны и башмаки. Ростом палач не вышел, зато его отличали очень длинные руки и широкая мускулистая грудь. Несмотря на колпак, Джориан знал, что его убийца – Утар-мясник, владелец лавки у Южных ворот. Ксилару – маленькому законопослушному городу-государству

¹ Перевод С. Мурзиной.

– было не по карману содержать штатного палача, поэтому Утара время от времени нанимали на поденную работу.

Прежде чем дать согласие, Джориан имел с палачом приватную беседу.

– Большое искусство, сир, – сказал тогда Утар, – правильно рассчитать удар. Ты на топор не налегай, ты, главное дело, следи, куда лезвие смотрит. Желторотый головоруб думает, что он, значит, должен помочь лезвию; вот он наляжет да и ударит вкось. Топор своей тяжестью перерубит любую шею – даже такую могучую, как у вашего величества, – ты ему только дай свободно упасть. Обещаю, что ваше величество даже ничего не почувствует. И ойкнуть не успеете – а душа уже опять в кого-нибудь вселилась.

Сейчас Джориан, ухмыляясь, подошел к палачу.

– Привет тебе, мастер Утар! – сердечно рявкнул он. – Денек-то какой, а? Если человеку суждено сложить голову, то, клянусь костяными сосцами Астис, лучшего дня для такого дела не придумаешь.

Утар поспешно преклонил колено:

– Вы... ваше величество... денек, конечно, что надо... Ваше величество простит мне боль и неудобства, которые я причиню ему при исполнении обязанностей?

– Забудь об этом, старина! Обязанности есть у всех, и все мы когда-нибудь подходим к предначертанному концу. Пока твой топор остер, а рука тверда, мое прощение у тебя в кармане. Ты, помнишь, обещал, что я и ойкнуть не успею? Не хотелось бы, чтоб ты с первого раза промахнулся, как новобранец, колющий наугад. – Джориан обернулся к верховному судье: – Достославный судья Граллон, ты готов сказать речь? Пойми намек и не будь многословен. Долгие разговоры утомляют, хоть ты и мастак красиво поговорить.

Верховный судья нерешительно взглянул на Джориана; тот кивком разрешил начинать. Судья вытащил из-за пояса свиток и развернул его. Наконец, вооружившись увеличительным стеклом и придерживая свиток свободной рукой, он стал зачитывать речь. Задача оказалась не из легких: ветер, подхватив свободный конец свитка, норовил вырвать его из рук. Однако судья продолжал долдонить, видимо, помня содержание наизусть.

Для начала судья Граллон напомнил собравшимся об истории Ксилара. Много веков назад боголев Имбал основал этот город-государство, а также даровал ему единственный в своем роде способ выбора правителей. Далее судья упомянул славных ксиларских королей: и Пеллитуса Мудрого, и Кадвана Сильного, и Рюйса Безобразного.

В заключение судья Граллон обратился к царствованию Джориана. Он вознес хвалу неустрашимости Джориана. Он живописал битву при Доле, когда Джориан обратил в бегство полчища разбойников, вторгшихся в северные пределы королевства, о чем напоминает шрам на лице короля.

– ...И вот теперь, – закончил Граллон, – это славное царствование подошло к предначертанному богами концу. Сегодня по Жребию Имбала корона Ксилара перейдет в руки нового избранника богов. И если руки эти сильны, справедливы, милосердны, мы будем верными и достойными подданными, если же нет – не будем. Сейчас король получит последнее утешение от своего святого наставника.

Старый доктор Карадур разматал веревку и уложил ее кольцом в центре помоста. Из ранца он извлек складную латунную подставку и пристроил рядом с веревкой. Затем из ранца появилась бронзовая чаша, которую Карадур водрузил на подставку. Оттуда же был извлечен подсумок с множеством отделений; доктор достал из него разные порошки и сыпал их в чашу. После этого он убрал подсумок, вынул кремень с огнивом и высек над чашей искры.

Взметнулся зеленый огонь, и взвился клуб дыма, ветерок тут же отнес его в сторону. Над чашей заплясали разноцветные язычки пламени и закурился дымок. Первосвященник Зеватаса с кислой миной наблюдал за происходящим.

Карадур затянул нескончаемую молитву-заклинание; о чем там шла речь, никто сказать не мог – заклинение было мальванское. Он молился так долго, что некоторые из присутствующих стали проявлять нетерпение. Конечно, им не хотелось, чтобы церемония закончилась слишком быстро, ведь она была самым ярким событием года. С другой стороны, они пришли сюда не для того, чтобы выслушивать невразумительные завывания старого тощего колдуна и наблюдать, как он стучит лбом о помост.

Наконец Карадур встал и обнял Джориана, который горой возвышался над ним. Огонь в бронзовой чаше полыхнул и выбросил большой клуб дыма, отчего стоящие на помосте закашлялись и принялись тереть глаза. Никто из них не разглядел, как Карадур, обхватив могучий торс короля, сунул в его связанные за спиной руки маленький нож.

– Как твоя храбрость, сынок? – прошептал колдун.

– Улетучивается с каждым вздохом. Правду сказать, сам не свой со страху.

– Держись, мой мальчик! Дерзость – твое единственное спасение.

Тут оркестр заиграл гимн в честь Зеватаса. Насупленный первосвященник, который производил неизгладимое впечатление своей пурпурной рясой, первым запел гимн и, отбивая такт ритуальным жезлом, увлек за собой толпу.

Пропев гимн, первосвященник склонил голову и вознес молитву, чтобы при выборе нового короля жребий пал на достойнейшего. Он просил богов о снисхождении к Ксилару, он просил, чтобы, карая грешников, боги заодно не навредили добропорядочным гражданам, которых в Ксиларе куда больше. Он молился так же долго, как Карадур. Глава культа верховного божества не мог допустить, чтобы его обскакал какой-то заморский колдун.

Наконец первосвященник умолк. Верховный судья зачитал вердикт, из которого следовало, что в соответствии с древними обычаями Ксилара царствование Джориана подошло к концу и он добровольно отдает свою голову как предмет, необходимый для выбора нового короля. В заключение судья Граллон широким жестом указал на плаху, давая понять, что Джориану пришло время положить на нее голову,

– Вашему величеству завязать глаза? – предложил он.

– Нет уж, – направляясь к плахе, ответил Джориан, – я встречу судьбу с открытыми глазами, как встречал врагов Ксилара.

– Один момент, ваша честь, – гнусава на мальванский манер, вмешался Карадур. – Я должен... м...м... мне было позволено произнести последнее заклинение, которое поможет душе короля Джориана отлететь в иной мир, не опасаясь нового земного воплощения.

– Ну что ж, заклиняйте, – разрешил верховный судья.

Карадур достал из ранца маленький бронзовый колокольчик:

– Руби по звонку!

Он всыпал в чашу новую порцию порошков, там что-то вспыхнуло и забулькало.

– На колени, царственный сын мой, – произнес Карадур. – Не страшись.

Толпа в нетерпении подалась вперед. Отцы повыше подняли детей.

Джориан бросил на старого мальванца нерешительный взгляд. Затем опустился перед плахой на колени и положил на нее голову. Горло пришлось как раз на специальную узкую перемычку, а королевский подбородок удобно улегся в выемку, выдолбленную на западной стороне плахи. Скосив глаза, Джориан старался не упустить из виду Утара-мясника. Утар нагнулся и отбросил с шеи короля длинные черные волосы.

Карадур, размахивая костлявыми загорелыми руками, выкрикивал свое заклинение. Оно было такое длинное, что у Джориана от стояния на голых досках заныли колени. Утар, отступив на шаг, поудобнее ухватил топором.

Наконец мальванец звякнул в колокольчик. Джориан, который из последних сил старался незаметно держать палача в поле зрения, скорее почувствовал, нежели увидел, как Утар вскинул топор. Колокольчик звякнул еще раз, предупреждая, что топор пошел вниз.

Следующее движение Джориана требовало молниеносной реакции, а он вовсе не был уверен в успехе, хотя они с Карадуром и провели взаперти много часов, тайком репетируя казнь, – старый колдун играл роль палача, орудуя вместо топора метлой. К тому же Джориан чувствовал себя немного утомленным: прошедшей ночью все четыре жены потребовали, чтобы он доказал им свою любовь.

Когда топор стал опускаться, Джориан сбросил путы, которые незаметно разрезал ножом, пока шла церемония. Одновременно он рванулся влево и упал на бок. Топор уже падал, и дородному палачу не хватило расторопности, чтобы осознать происходящее, и силы, чтобы сдержать удар. Топор со свистом врезался в плаху, накрепко застряв в свежеевыкрашенной красной колоде.

Джориан молниеносно вскочил на ноги и перехватил нож зубами. Карадур подбросил в чашу какого-то зелья; оно вспыхнуло и задымило, как небольшой вулкан. В небо взвился столб зеленого дыма, посыпались красные и фиолетовые искры. Колдун взмахнул руками и издал пронзительный вопль. Кольцом лежавшая у его ног веревка вдруг распрямилась и гигантской змеей рванулась вверх. Ее нижний конец болтался футах в двадцати над землей, а верхний терялся в каком-то тумане, будто веревка проткнула в небе дырку. Над чашей поднялся огромный клуб дыма, застилая глаза стоящим на помосте и скрыв сам помост от собравшихся внизу зевак. Некоторые из них решили, что голову уже отрубили, и стали кричать: «Красное и белое! Красное и белое!»

Джориан одним прыжком оказался рядом с палачом. Утар-мясник с топором в руках мог представлять нешуточную опасность. Однако, несмотря на его отчаянные рывки, лезвие топора намертво засело в плахе.

Джориан поднял левый кулак и, от души размахнувшись, нанес палачу сокрушительный удар в челюсть. Утар опрокинулся на ограждение и свалился с помоста.

Окрик Карадура заставил короля обернуться. К нему, наставив алебарду, бежал закованный в латы стражник. С молниеносной скоростью, которая однажды уже спасла ему жизнь, Джориан ухватился за древко алебарды в тот самый момент, когда наконечник был готов проткнуть его. Джориан яростно отбросил наконечник влево, и выпад стражника не достиг цели.

Вцепившись в древко обеими руками, Джориан развернулся к гвардейцу спиной, подставил под алебарду плечо и резко нагнулся – так, что наконечник коснулся земли. Алебардщик, не успевший выпустить древко, вдруг, к своему изумлению, вознесся над широкой спиной Джориана, пролетел вверх тормашками над помостом и, лязгая латами, грохнулся оземь.

Схватив алебарду, Джориан шагнул к другому стражнику, который наглотался едкого дыма и теперь кашлял. Верховный судья и первосвященник Зеватаса с такой поспешностью бросились бежать по ступенькам, что первосвященник оступился, полетел вниз головой на землю и сильно расшибся.

Стражник – может, со страху, может, из почтения к бывшему хозяину – замешкался. Он стоял, прижимая к груди алебарду, и никак не мог решить, что же ему делать: выдергивать из плахи топор или колоть копьем. Джориан не питал к воину личной вражды. Он перехватил свою алебарду и изо всех сил ударил стражника древком в защищенную латами грудь. От такого тычка второй гвардеец кувырнулся с помоста и грохнулся на землю рядом с первым.

Итак, через четверть минуты после того, как палач взмахнул топором, на помосте не осталось никого, кроме Джориана и Карадура. В толпе поднялся ропот. События на помосте развивались слишком быстро, а место действия было затянуто дымом – стоящие внизу толком не поняли, что же произошло. Но одно казалось несомненным: казнь шла не так, как было задумано. Люди толкались и забрасывали друг друга вопросами; ропот перешел в рев. Послышалась резкая команда, и к подножию помоста понеслись всадники охраны.

Джориан отбросил алебарду и, подпрыгнув, ухватился за конец веревки. Недаром он полгода учился лазать по канату – за это время мускулы на руках приобрели крепость стали.

При каждом движении Джориана веревка слегка раскачивалась, но натяжение не ослабевало. Помост остался далеко внизу. Защелкали арбалеты, и Джориан слышал гул перебранки, возникающий после каждого неудачного выстрела.

В толпе, внизу, царил неопиcуемая суматоха. Стражники карабкались на помост. Увидев их головы, Карадур, как раз затянувший очередное заклинание, проворно скатился на землю. Джориану было недосуг рассматривать колдуна, но он все же увидел, что, едва коснувшись земли, Карадур совершенно преобразился. Вместо темнокожего, седовласого мальванского проповедника появился монах из захудалого ксиларского ордена, одетый в опрятную шерстяную черную рясу. Толпа поглотила его.

Снова зазвенела натянутая тетива. Оцарапав плечо, мимо просвистела стрела. Стражники забрались наконец на помост и с сомнением разглядывали болтающийся конец веревки. У Джориана мелькнула лихорадочная мысль: а ну как они постараются стянуть его вниз или полезут следом?

До верха оставалось всего несколько футов. Пот заливал лицо Джориана и его могучую волосатую грудь. Он добрался до места, где веревка теряла очертания и исчезала. Когда голова попала в дымку, Джориан обнаружил, что веревка, все такая же прочная, тянется дальше, зато происходящее внизу дрожит и расплывается, будто его затягивает густеющим туманом.

Последний рывок, от которого чуть не выскочило сердце, – и помост скрылся из глаз. Там, где раньше было только небо, раскинулась совершенно незнакомая местность. Джориан распрямил ноги и ступил на травянистую почву.

Сейчас ему было не до осмотра окрестностей. Карадур не раз напоминал, как важно втащить наверх волшебную веревку. Ее верхний конец, высотой примерно с Джориана и прямой как палка, по-прежнему торчал из травы. Джориан ухватился за него обеими руками и потянул. Вережка подалась и поползла из земли, словно там было какое-то незаметное отверстие. Джориан продолжал подтягивать веревку; ее видимая часть утратила твердость, обмякла и провисла, как самый обыкновенный канат.

Джориан неожиданно ощутил рывок: кто-то удерживал нижний конец. Очевидно, один из стражников, увидев, что веревка поплыла вверх, собрался с духом и ухватился за нее. Стражник попался не из легких, и Джориан, еще не отдышавшийся после подъема, с трудом тащил его наверх.

Тут короля осенило: вместо того чтобы втаскивать до зубов вооруженного врага в расстилавшийся вокруг новый мир, он ослабил хватку, и веревка свободно заскользила между пальцами, увлекая к земле повисшего на другом конце человека. Раздались чуть слышный удар и приглушенный вопль. Джориан, проворно перебирая руками, потянул веревку обратно. На сей раз сопротивления не последовало, и вскоре смотанная веревка лежала у ног Джориана.

Джориан утер лоб и тяжело опустился на траву. Сердце никак не хотело успокаиваться: сказывались пережитое напряжение и волнения побега. Король перебирал в уме сегодняшний день и никак не мог поверить, что остался жив.

С самого начала Джориан понимал, что, несмотря на молодость, огромный рост, недюжинную силу и ловкость, у связанного и безоружного человека мало шансов убежать от скопища врагов даже с помощью колдовства. Он всю жизнь имел дело с оружием, сражался в двух больших битвах, много раз участвовал в стычках и знал, что возможности человека не безграничны. К тому же колдовство казалось заведомо ненадежным и не вызывало особого доверия, поэтому в своей попытке выжить Джориан рассчитывал только на неожиданность, слаженность действий и точный расчет. Может, мальванские боги Карадура все-таки помогли, мелькнуло в голове.

Кидая по сторонам быстрые взгляды, Джориан думал, что, мол, вот он какой – загробный мир, куда души усопших, отлетев с земли, направляются перед новым воплощением! Он стоял

на узком травянистом газоне, футов сорока в поперечине. Трава казалась неестественно мягкой. Газон окаймляли две мощеные дороги, каждая шириной примерно двадцать футов.

За этими дорогами раскинулись зеленые лужайки. За лужайками виднелись лесистые холмы, на склонах которых Джориан, как ему казалось, различал дома. Королю не давал покоя один вопрос: какому нормальному человеку придет в голову проложить рядом сразу две прекрасные дороги?

Неожиданно его внимание привлек какой-то быстро нарастающий, жужжащий, дребезжащий, свистящий звук, до отвращения похожий на свист арбалетной стрелы, только гораздо громче. Джориан поискал глазами и наткнулся на источник звука.

По одной из дорог на короля стремительно неслось непонятное существо. Сперва Джориан принял его за сказочного дракона: низкое, горбатое, с огромными горящими стеклянными глазами. Пониже глаз в дьявольской ухмылке скалились серебряные клыки.

Мужество покинуло Джориана, но, когда он попятился, сжимая в руке нож и приготовившись дорого продать свою жизнь, существо – словно ястреб, преследующий добычу, – со свистом пронеслось мимо. При ближайшем рассмотрении оказалось, что оно снабжено колесами, и значит, это не дракон, а машина для передвижений. Джориан успел разглядеть голову и плечи сидящего внутри человека, а экипаж уже с лязгом и грохотом скрылся с глаз.

Не успел король оправиться от изумления, как за спиной снова послышался грохот. Джориан резко обернулся: навстречу летела новая повозка, пострашнее первой, огромная, с корпусом-башней и множеством колес. В своем мире Джориан славился отчаянной храбростью, однако и смельчак может пасть духом, если он попал в совершенно непривычное окружение и не знает, откуда ждать опасности и как она, собственно, выглядит.

Джориан почувствовал, что угодил в западню. Неизвестно, сумеет ли он добраться до места встречи с Карадуром. Дороги, не сближаясь и не расходясь, тянулись в обе стороны до самого горизонта. Казалось, можно прошагать по травянистому газону сотню лиг хоть в ту, хоть в другую сторону, но так и не найти способа перебраться на лужайку.

Пронеслось еще несколько повозок. Стало ясно, что по одной дороге они движутся только на восток, а по другой – на запад; кроме того, ни одна машина не заехала на газон. Значит, пока ничего опасного для здоровья не случится. Надо выбрать момент, когда поблизости не окажется колесницы, перебежать дорогу и очутиться на безопасной лужайке.

Джориан заставил себя приблизиться к мостовой. Дорога оказалась покрытой цементом или строительным раствором; через равные промежутки ее пересекали узкие шпалы, сделанные из какого-то черного, похожего на застывшую смолу вещества. Джориан едва успел отскокить – мимо, обдав его струей горячего воздуха, с ревом пронеслась огромная повозка.

Джориан совсем пал духом. Оставалось надеяться, что душе не придется воплощаться в этой реальности. Любая повозка может раздавить тебя, как клопа. Вот незадача: избежать в том, своем мире топора палача только затем, чтобы в этом угодить под колымагу! И вообще, мыслимое ли дело – научиться управлять такой колесницей, разве что здешние жители всю жизнь в них и живут, своими ногами не ходят. Может, у них и ног-то нет...

Приближающаяся повозка подкатила почти вплотную и, по-мышьиному взвизгнув, остановилась. Открылась дверца, и вышел человек. Взору Джориана предстали обычные человеческие ноги, обтянутые длинными серыми панталонами. На человеке была шляпа с прямыми широкими полями, а с поясного ремня свисала небольшая кожаная сумка. Оттуда торчала изогнутая ручка какого-то инструмента. Видно, плотник, подумал Джориан.

Человек приблизился к Джориану и что-то сказал, но король не разобрал ни слова. Джориан знал несколько языков, но тот, на котором говорил человек в серых панталонах, был ему незнаком.

– Я Джориан из Ардамэ, – сказал он, – сын Эвора-часовщика.

Так его звали до того злополучного дня пять лет назад, когда, недолго думая, он схватил подброшенную в воздух человеческую голову и превратился в короля Ксилара.

Пристально разглядывая золотую корону Джориана, незнакомец покачал головой и снова что-то сказал. Джориан повторил свою фразу по-мальвански и по-швенски. В ответ человек с озадаченным видом произнес несколько слов.

Неожиданно раздался еще один голос. Джориан подскочил на месте, не понимая, кому он может принадлежать. Пронзительный металлический голос, произносящий непонятные слова, похоже, доносился из повозки незнакомца. Тот выдавил из себя успокоительную улыбку, снова что-то сказал и забрался в экипаж, который тут же с ревом помчался прочь.

Джориан вспомнил о веревке и стал обматывать ее вокруг пояса. Он припомнил наставления: пройти одну лигу на юго-восток, спуститься в свой мир и ждать Карадура, если тот еще не добрался до места встречи.

Но где здесь юго-восток? Небо, к счастью, было такое же чистое, как над Ксиларом. Казнь намечалось провести в полдень; с того момента, как Джориан положил голову на плаху, прошло совсем немного времени. Однако вскоре солнце сядет, и по нему уже нельзя будет определить направление. Так что, невзирая на опасность, одну из дорог придется пересечь.

Джориан оглядел ближайшую дорогу, убедился, что повозок не видно, и стрелой метнулся на другую сторону. Он добежал до травянистого луга. Растительность здесь была не такая ухоженная, как на газоне. Джориан срезал длинный стебель, нашел земляную проплешину и воткнул его посередине. Затем по границе тени ножиком отчертил линию, пересек ее другой, перпендикулярной, а третьей линией разделил левый угол пополам. Она-то и указывала на юго-восток.

Джориан пошел в этом направлении. По дороге он то и дело останавливался, чтобы срезать молодой побег и выстругать палочку два-три фута длиной. На одной из этих палочек он через каждые сто шагов делал зарубку. Остальные палочки он втыкал в землю через каждые пятьдесят – с то шагов и, таким образом постоянно проверяя себя, держался выбранного направления. Каждые тысячу шагов он сверялся по солнцу.

На пятидесятой зарубке Джориан остановился. Он находился в ложине, образованной склонами лесистых холмов. Вдалеке виднелись дома, но сейчас Джориан был рад, что его путь лежит в стороне от жилья.

Для пущей уверенности он пересчитал зарубки, снял с пояса веревку и обмотал ею ствол дерева. Затем произнес мальванское заклинание, которому выучился у Карадура:

Мансалму дарм рау антарау,
Ноде царо тэракх хья цор рау...

Ноги вдруг куда-то провалились, словно угодили в зыбучий песок, земля подалась, и Джориан полетел вниз. Затем раздался рывок, падение прекратилось, и он повис меж землей – своей собственной землей – и безоблачными голубыми небесами.

Два веревочных конца, чуть расходясь, тянулись вверх, и в ярде над головой пропадали. Внизу, к изумлению Джориана, плескались мертвые черные воды Морусской трясины. Карадур упоминал болото, но Джориан не ожидал, что окажется прямо над ним. К северу тянулись поля и лесные уголья Ксилара. На юге вздымался огромный хребет Козьей Кручи, над которым, сверкая снежными шапками, высилась горная гряда, отделяющая города-государства Новарии от жаркой империи Мальвана.

Джориан решил было подняться обратно и поискать другое дерево, но передумал. Кто знает, как долго останется проницаемым «мягкое пятно» между двумя реальностями, которое он создал своим заклинанием? Что, если земля затвердеет, когда он будет находиться в ее

толще? К тому же Джориан отлично плавал, и водившиеся в Морусской трясине небольшие крокодилчики три фута длиной его ничуть не пугали.

Джориан спустился до места, где веревка кончалась. Завяжи он обычную петлю, длины веревки как раз хватило бы до земли, но тогда, спустившись, он не смог бы сдернуть драгоценную веревку вниз. Поэтому Джориан просто перекинул ее через ствол дерева, так что теперь в небе болтались два конца одинаковой длины.

Под ногами, футах в двадцати, стояла темная затхлая вода. Колдуна нигде не было видно. «Поехали», – подумал Джориан и выпустил из рук веревочный конец.

Взметнув огромный фонтан брызг, он плюхнулся в воду. Следом, взбаламутив болото, упала веревка. Джориан ухватил зубами веревочный конец и поплыл к ближайшему берегу.

Оказалось, что это куча плавучего тростника. Джориан вылез на островок, бурая вода ручьями текла по плечам. Стоило ему подняться на ноги, вязкая поверхность заходила ходуном, подалась и угрожающе прогнулась. Здесь только на карачках и доберешься, решил Джориан. Волоча за собой веревку, он пополз к высокому берегу, густо заросшему ивами и темно-зелеными кипарисами. Ноги наконец нащупали твердую почву, и Джориан выпрямился. На зубце короны повисла водоросль.

– Карадур! – крикнул он, отдирая водоросль и стряхивая с тела болотную воду.

Колдун не отзывался, но Джориана это не смутило. Путешествие длиной одну лигу может оказаться старику не по силам, так что он вряд ли доберется засветло. Чтобы попусту не тратить время, Джориан отыскал заросшую папоротником прогалину, снял корону, растянулся на земле и тут же заснул.

День клонился к вечеру, но до захода солнца было еще далеко. Вдруг кто-то окликнул Джориана по имени. Он подскочил и нос к носу столкнулся с Карадуром. Карадур уже обрел прежний облик и стоял, навалившись на посох и тяжело дыша.

– Привет! – сказал Джориан. – Старина, как ты меня отыскал?

– Ты... ох... храпел, о король... я хотел сказать, мастер Джориан.

– За нами погоня?

– Да нет, по гаданию выходит, что она давно кончилась. О-хо-хо, как я намучился! Дай передохнуть. – Колдун со стоном повалился в папоротник. – В жизни так не уставал. Два заклинания в один день чуть меня не убили, а блуждание по лесу и вовсе доконало.

Он уронил голову на руки.

– Где ты спрятал припасы?

– погоди, я так измучился, даже думать не могу.

Как тебе понравился загробный мир?

– Ой! Ужас, хоть я мало что видел, – сказал Джориан и стал описывать дорогу из цемента и с ревом несущиеся по ней страшные повозки. – Клянусь рогами Тио, жить там куда опаснее, чем у нас со всеми нашими войнами, чумой, разбойниками и диким зверьем! Нет уж, я лучше попаду в какую-нибудь мальванскую преисподнюю, где человеку грозит всего лишь встреча с парочкой-другой чудненьких кровожадных демонов.

– Ты видел... встречал тамошних жителей?

– Ага, один малый, кажется плотник, остановил экипаж и поболтал со мной, хотя ни он меня, ни я его тарабарщины не понял. Он так на меня уставился, будто он ксиларец, а я обезьянец из Комилакха, которого он вдруг встретил на родной улице. – И Джориан описал человека в длинных панталонах.

Карадур вяло хихикнул:

– Это не плотник, а страж порядка. Он умеет владеть оружием, но применяет его не против иноземцев, а против преступников своей страны. Думаю, и в некоторых городах-государствах твоей Новарии есть отряды таких крепких парней. Эта реальность славится сказочным богатством и диковинными аппаратами, но не хотел бы я когда-нибудь там воплотиться.

– Почему?

– Потому что в этом измерении правит низменный материализм, а волшебство совсем захирело, и им никто не пользуется. Что там делать образцовому чудотворцу вроде меня? Насколько я знаю, те, кто слывет в этой реальности волшебниками, зачастую просто мошенники. Да что там, в этом мире даже боги превратились в бледные призраки. Они способны принести лишь мелкие радости и огорчения тем, кого любят и ненавидят. Да и то не всегда.

– Тамошние жители что, совсем неверующие?

– Может, совсем, а может, притворяются. Еще они привечают всяких магов: астрологов, некромантов. Конечно, боги и колдуны этой реальности не могут навлечь на ее жителей серьезные беды или принести большую удачу, но, воплощаясь там, люди несут в себе память о предыдущей жизни в нашем мире, когда колдовство действительно обладало могучей и ужасной силой.

Джориан прихлопнул комара.

– Значит, я, имея мозгов не больше, чем кочан капусты, мог бы неплохо там устроиться.

– Не совсем так, скорее наоборот.

– Почему это?

– Твои главные достоинства в нашем мире – сила и ловкость – там ничего не значат, потому что все делают бездушные машины. К чему выносливость, если ты, сев утром на лошадь, одолеешь к вечеру сорок лиг, а любая механическая повозка, которые ты там видел, проедет за то же время втрое больше? Твоя мощь никому не нужна, так же как мои нравственная чистота и знание оккультных сил.

– Я же не полный дурак, хоть мускулы у меня действительно помощнее, чем у прочих, – сказал Джориан. – Но может, ты и прав. Ладно, старина, день не вечно будет длиться. Так что, ежели ты готов, пойдем-ка поищем наши припасы.

– Да, готов, хотя и без всякого удовольствия.

Колдун с причитаниями поднялся на ноги и принялся шарить посохом под ближайшими кустами.

– Ну-ка поглядим, куда я запрятал эту проклятую штуку, – бормотал он. – Тц-тц. Я же помню, что положил ее под выступ валуна и забросал листьями.

– Здесь нет никаких валунов, – с легким нетерпением отозвался Джориан.

– Да уж, да уж. Кажется, то место было повыше.

Поищем немного севернее.

Они двинулись в указанном направлении и следующие два часа рыскали по лесу в поисках валуна.

– Поглядим, поглядим... – бормотал Карадур. – Замшелый гранитный валун. Тебе, о Джориан, примерно по плечо... я уверен... я думаю...

– А ты не видал рядом какого-нибудь дерева или еще чего приметного?

– Дай подумать. Ах да, я заметил три дерева с трех сторон от тайника. Но здесь так много этих проклятых деревьев.

– Почему бы тебе не поворожить?

– Потому что моя колдовская сила временно истощилась. Надо искать обычными способами, других нет.

Они вернулись к болоту и, немного изменив направление, снова принялись за поиски. В косых лучах заходящего солнца, пробивающихся сквозь листву, роилась мошкара.

– Не это дерево? – спросил Джориан.

– Ну конечно, вот оно! – обрадовался Карадур. – Теперь поищем остальные.

– Здесь столько же валунов, сколько рыб в пустыне Федиран.

– Валун? Валун? Какой... ах... я вспомнил! Я же его спрятал не под валуном, а под поваленным деревом.

Вот оно!

И Карадур указал на большое дерево, которое загородило им дорогу. Они в мгновение ока разбросали листву и вытащили на свет холщовый мешок. Джориан с досады присвистнул; его и раньше частенько раздражала забывчивость колдуна. Правда, он тут же одернул себя: нельзя быть слишком строгим к тому, кто спас тебе жизнь.

К заходу солнца Джориан преобразился. Теперь он, как заправский лесовик, был одет в простой коричневый кафтан, короткие штаны, высокие шнурованные башмаки – вместо вко-нец изорванных шелковых туфель – и выдающую вида зеленую шляпу с замусоленным фазаньим пером, торчащим из-за ленты. На поясе болтался короткий тяжелый охотничий меч, годный скорее для игры в лапту и рубки кустарника, чем для поединка.

– А с ней что делать? – спросил Джориан и указал на ксиларскую корону. – Кучу львов можем огрести.

– Ни в коем случае, мой мальчик! – запротестовал Карадур. – Если что-то тебя и выдаст, так это она. Стоит показать ее любому золотых дел мастеру, или ювелиру, или меняле на сто лиг в округе – и молва птицей долетит до Ксилара.

– Переплавим, и дело с концом.

– У нас нет печи и тигеля, а покупать их – значит навлечь на себя подозрения не меньше, чем самой короной. К тому же древние создатели этой золотой вещи наверняка наделили ее волшебными свойствами, неоценимыми для занятий магией. Непростительно спалить эти свойства в печке.

– Что же делать?

– Самое лучшее – спрятать ее здесь вместе с твоей старой одеждой. Если все пойдет хорошо, потом заберешь. Или, скажем, договориться с ксиларцами – твоя голова в обмен на их корону. А что, ты разве не прихватил с собой денег?

– Прихватил. У меня в поясе под одеждой сто новеньких золотых львов – прямо с королевского монетного двора. Кабы пожадничал, лежать бы мне сейчас на дне Морусской трясины. Что ж, всех денег не унесешь.

– Но, сын мой, это же огромное богатство! Да не допустят боги, чтобы какой-нибудь грабитель услышал, сколько денег у тебя в поясе.

– Знаешь, в наших обстоятельствах сохраннее держать капитал при себе.

– Ты прав. Но пытаться продать корону все-таки слишком опасно. А теперь, пока не стемнело, я должен тебя постричь.

Джориан сел на поваленное дерево, и Карадур, вооружившись ножницами и гребнем, принялся за дело. Время от времени он просил Джориана прекратить болтовню, но бывший король не умел долго молчать.

– Печально, – разглагольствовал Джориан, – что мой народ – ведь это и вправду был мой народ – лишился всех своих развлечений: отсечения головы, коронации, раздачи даров, состязаний по бегу, стрельбе, борьбе, футбола и хоккея, пения и танцев, да еще и пира в придачу.

– Который, вне всякого сомнения, закончится бесподобным разгулом мерзкого греховного пьянства и распутства, – поддакнул Карадур, трудясь над правым виском Джориана. – Так что, если угодно, можешь себе во вред заняться благотворительностью. Еще не поздно пере-думать и вернуться.

– Не-е... Я привык принимать вещи такими, какие они есть. Да и боги на моей стороне, а то б они не позволили мне уйти так далеко, правда?

– Аргумент убедителен, если считать, что богам есть дело до каждого смертного, – философ уже тысячу лет ведут об этом жаркие споры. По-моему, главное, что помогло тебе ускользнуть, – это мое волшебство, усиленное нравственной чистотой, благоприятное положение планет да еще твои сила и храбрость. Легче блоху подковать, чем найти событие, проис-

текающее из какой-то одной причины. Я совсем заболтался, а надо еще отстричь эти ужасные усы.

– Ах ты, старый злодей! От зависти всю мою юную красоту готов извести! – хмыкнул Джориан. – Но, снявши голову, по волосам не плачут. Стриги!

Теперь вместо пышной гривы на голове бывшего короля топорщился ежик волос не длиннее ногтя. Усы Карадур тоже отхватил почти начисто.

– Ну вот, – сказал он, – отрастут борода и усы – ни одна живая душа тебя не узнает.

– Если меня не выдадут рост, вес, голос и шрам на носу, – возразил Джориан. – Ты можешь произнести такое заклинание, чтоб я превратился в тощего светловолосого парнишку?

– Мог бы, если бы уже не произнес двух с утра пораньше. Только это ничего не даст: фантомы держатся час-два, не больше. Да и вряд ли кто нам встретится по пути к Ритосу-кузнецу, разве что случайный охотник, угольщик или жалкий батрак. Какой толк в маскараде?

– Он помешает им натравить на меня ксиларских ищеек.

– Правильно: представь, ты подходишь к ним подростком и вдруг прямо на глазах превращаешься в самого себя. Такое у кого хочешь вызовет подозрение.

Джориан вытащил из холщового мешка большую кожаную сумку и достал оттуда каравай и кусок вяленой оленины. И то и другое он уплетал с завидным аппетитом. Карадур удовлетворялся маленьким кусочком хлеба.

– Мой мальчик, тебе придется обуздать свой неумный аппетит, – сказал колдун.

– Это у меня-то неумный? – с набитым ртом отозвался Джориан. – Клянусь золотыми локонами Фрэнды, я только червячка заморил. Ты как думаешь, можно слона накормить одной сладкой булочкой?

– Я хотел сказать, что надо заглушать низменный голос желудка; к тому же этой провизии должно хватить до Ритосова дома, где тебя ищут. Поройся в мешке – и найдешь план: там нарисовано, как добраться до места.

– Хорошо, хоть я уже бывал в этих местах, когда гонялся за разбойниками. Здесь ходу не больше одной лиги.

– Говорят, – снова завел Карадур, – у Ритоса есть дочь или племянница, на которую распутные молодые болваны вроде тебя пялят бесстыжие глаза. Ты на нее не заглядывайся – каждый грех сладострастия осложняет мою задачу.

– Это у меня-то сладострастие? – вскинув брови, изумился Джориан. – Стану я бегать по бабам, когда у меня дома пять молодых красивых жен! Да я буду только рад передышке, чтоб я в дерьме утонул, хоть и скучаю по карапузам, что по мне ползали. Но давай о Ритосе-кузнеце. Почему ты знаешь, что он не выдаст меня ксиларцам? Он может неплохо заработать, ежели наведет их на след.

– Умолкни! Ни у одного посвященного Сил Прогресса не хватит подлости предать другого посвященного!

– Но ты же сам говорил, что этот Ритос против тебя. Я пять лет был королем; может, это меня ничему и не научило, но одно я усвоил: никому нельзя доверять сверх меры.

– Он действительно принадлежит к Черной Ложе, или Благотелю, и стоит за то, чтобы не выпускать могучие силы волшебства за границы нашего круга. Я же принадлежу к Белой Ложе, или Альтруистам, и готов нести волшебство в мир и помогать всем, кто трудится в поте лица своего. Однако, несмотря на внутренние разногласия, мы едины перед миром, лежащим вне пределов нашего ученого ордена. Я уверен в Ритосе, как в самом себе.

– Судя по названиям лож, вы чисты, что талая вода. И все же я за свое царствование такого насмотрелся...

Карадур положил Джориану на колено темную костлявую руку:

– Мальчик, ты волей-неволей доверился мне, чтобы спасти свою голову. Доверься и в этом.

– Ну ладно, ты знаешь, что делаешь, – проворчал Джориан. – Святой отец, я хочу поблагодарить тебя – ты спас мою беспутную голову.

– Не стоит благодарности; только ты ведь знаешь, эту голову нужно еще заслужить.

Джориан хитро усмехнулся:

– Что, ежели я найду другого колдуна и он своей ворожкой снимет заклятие, какое ты и твои дружки-чародеи так бессовестно на меня наложили?

– Освобождающего заклятия не существует. Я предупреждал: если какой-нибудь захудалый отщепенец попытается снять наше заклятие, для тебя это окончится весьма плачевно. Заклятие наложил магистр нашей ложи Форко из Хендау, и он один может развеять чары. Итак, не забудь: ровно через месяц мы встретимся в... уф... в «Серебряном драконе» в Оттомани, оттуда отправимся в Тримандилам за Ларцом Авлена, а потом на Конклав моих сторонников в Башню гоблинов в Метуру.

Надо спешить, встреча состоится в месяц Шуки.

– Времени хоть отбавляй.

– Разумеется, но непредвиденные обстоятельства часто сводят на нет самые многообещающие планы. Как бы то ни было, для начала нужно добраться до Оттомани.

– Почему бы мне не отправиться туда с тобой, чем продираться сквозь бурелом?

– Ксиларцы перекроют дороги, а чтобы отросла борода, нужно время. Ритос ждет твоего прихода; у него можно отдохнуть несколько дней и пополнить запасы провизии.

– Я приду в Оттомань, ежели не случится беды. Буду запаздывать – оставь мне у трактирщика записку на вымышленное имя.

Карадур:

– Фальшивое имя? Тц-тц! Это безнравственно, сын мой.

– Вот как? Ты, верно, забыл: до того как стать королем Ксилара, я год прослужил в пешей гвардии его незаконнорожденного высочества. В Оттомани многие меня вспомнят, ежели понадобится.

– Тебе нечего бояться. Великий герцог и его незаконнорожденное высочество одинаково не любят Ксилар, потому что их страна вклинилась между твоим бывшим королевством и Виндийской республикой, которая заключила с Ксиларом договор против Оттомани.

Правители Оттомани не выдадут тебя ксиларцам.

– Может, и нет, но они не в силах помешать ксиларцам меня выкрасть. Судейские спят и видят, как бы завершить свою кровавую церемонию. К тому же чем фальшивое имя безнравственней того, что сделали твои Силы Прогресса, послав меня воровать этот чертов сундук с трухлявыми волшебными пергаменами у самого царя Мальваны?

– Почему... ах... то совсем другое...

– Чем другое-то? – не унимался Джориан.

– То было легко... как бы сказать, ох, твоего духовного развития не хватит, чтобы понять. Это вопрос чистоты побуждений...

– Зато я уяснил другое: ежели из-за твоей дурацкой нерешительности меня схватят где-нибудь на пути в Тримандилам, тебе нипочем не добыть ящика с волшебной тягомотиной. Без головы не поворуешь.

– Ах, ну, твои рассуждения во многом справедливы, хотя, не будь я так утомлен, я бы обязательно нашел что возразить.

– Какое ты выберешь имя, коли тебе все же придется сделать что-нибудь этакое безнравственное?

– Я назовусь... уф... Мабахандулой.

– Вот имечко, клянусь медным задом Имбала! Язык сломаешь. Хотя, я думаю, тебе действительно не имеет смысла притворяться, что ты не мальванец.

Джориан несколько раз повторил имя, чтобы не забыть.

Карадур поморщился:

– Тц-тц. Я бы попросил тебя так много не богохульствовать, даже по отношению к твоим маленьким домашним божкам. Как тебя будут звать, если ты придешь первым?

– М-м... Никко из Кортолии. Моего дядю звали Никко.

– Почему бы тебе не назваться цолонийцем? Остров Цолон далеко отсюда, следовательно, это безопаснее.

– Я никогда не был на Цолоне и не умею говорить на ихнем тарабарском наречии. Зато я вырос в Кортолии и, когда не слежу за собой, говорю как заправский кортолец. Слушай, старый зануда, может, хватит меня песочить?

– Пожалуй. Если я не появлюсь в «Серебряном драконе», расспросишь в городе про волшебницу Гоанию. Она хранит снадобья, необходимые, чтобы вырвать Ларец Авлена из рук злобного типа, который незаконно овладел им, так называемого Царя Царей.

– Гоания, говоришь? Я-то запомню. А вот ты, дружок, постарайся не забыть по рассеянности названия города и, ежели ошибкой забредешь в Гованнию или Виндию, не удивляйся, что я тебя там не встречу.

– Оставь в покое мою рассеянность! – огрызнулся колдун. – Точно выполняй инструкции, остальное предоставь мне. И придержи болтливый язык. Твоя жизнерадостная трескотня чуть не выдала нас тогда, на помосте. Ты бы лучше не пил ничего, кроме воды, – после вина и пива язык у тебя начинает болтаться как помело.

– Ежели я буду в пути пить вонючую воду, то слягу с какой-нибудь кошмарной дизентерией или лихорадкой, и толку от меня будет, как от безголового.

– Ну, хотя бы не напивайся: твои главные слабости – выпивка и болтливость. А теперь давай склоним головы и вознесем молитву истинным богам – богам Мальваны.

Колдун пробубнил молитву Варне-Создателю, Крадхе-Хранителю и Ашаке-Разрушителю. Затем Джориан коротко помолился Тио, новарскому лесному богу. Они с Карадуром пожали друг другу руки.

Карадур произнес напутственную речь:

– Будь осторожен и благоразумен; подавляй желания плоти; алкай нравственного совершенства и духовного просветления. Истинные боги тебя не оставят, сын мой.

– Спасибо, отец, – отвечал Джориан. – Я буду благоразумен, как мидия, и чист, как первый снег.

Он развернулся и зашагал в мрачную глубь леса. Карадур, глядя ему вслед, принялся обматывать талию волшебной веревкой. В сгущающихся сумерках звенела ночная мошкара.

II

Меч его незаконнорожденного высочества

Шел уже месяц Медведя, когда Джориан добрался до жилища Ритоса-кузнеца. Листва деревьев у подножия Козьей Кручи окрасилась в багрянец и золото, и только более высокие склоны, поросшие хвойными лесами, по-прежнему сохраняли сумрачную темно-зеленую окраску. Над этими зелеными вершинами, казавшимися черными при пасмурной погоде, белели полускрытые облаками снежные пики центральной гряды. Множество красных и желтых листьев, которые под хмурым осенним небом облетали с деревьев, кружась и раскачиваясь, как утлые лодки в штормовую погоду, устилали поляну перед домом Ритоса.

Жилище кузнеца-отшельника оказалось на удивление ухоженным и вместительным. Над первым этажом, сложенным из известняка, располагалась бревенчатая надстройка; высокая остроконечная крыша венчала сооружение. К правой стене дома было пристроено что-то вроде сарая – в нем помещалась кузница. Оттуда доносились удары молота по наковальне.

У противоположной стены стояла большая деревянная клетка. В ней, свернувшись калачиком, лежал обезьянец из далекого, расположенного на юго-востоке Комилакха. На краю поляны был возведен каменный колодец; из него доставала воду молодая женщина. Когда появился Джориан с луком через плечо, она как раз вытянула воротом бадью, поставила ее на край колодца и собиралась перелить воду в кувшин. На другом конце поляны стреноженный ослик жевал сено.

Джориан шагнул на поляну; девушка вздрогнула, и вода выплеснулась из бадьи.

– Черт побери! – воскликнул Джориан. – Дай помогу, красотка!

– Ты кто? – все еще настороженно спросила она.

– Джориан, сын Эвора. Это дом Ритоса-кузнеца?

– Ага. Нас предупреждали о твоём приходе, но уже столько дней прошло.

– Заплутал в проклятом лесу, – сказал Джориан. – В таком тумане сам себя потеряешь. Держи кувшин, я опрокину бадью!

Переливая воду, Джориан разглядывал девушку. Она была высокой – почти с него ростом, – с копной черных волос. Лицо с грубоватыми и неправильными чертами нельзя было назвать красивым, но она производила впечатление яркой, сильной женщины. Особенно украшали ее прекрасные серые глаза.

– Неудивительно, что ты заплутал! – произнесла девушка низким, хриловатым голосом. – Ритос напускает морок на всю округу, чтобы охотники и дровосеки носа сюда не казали.

– Зачем это ему?

– Для леших. Они нас за это кормят.

– То-то мне попался малый с длинными волосатыми ушами, – сказал Джориан и, подхватив кувшин, вслед за девушкой поспешил к дому.

Обезьянец вскочил и зарычал на Джориана, но окрик хозяйки заставил его замолчать.

– Вообще-то туман должен был рассеяться и пропустить тебя, – продолжала девушка, – но убрать туман – дело непростое, это тебе не свечку задуть. А ты неплохо воспитан, мастер Джориан.

– Ну, еще бы, нам, бывшим королям, приходится держать марку. – И Джориан перешел на кортолский диалект: – Хучь я таперича и не король, а живот, значица, бурчит, ужина просит.

Девушка распахнула дверь в просторную комнату. Столы, стулья, лавки – все было завалено ретортами, свитками пергамента и колдовскими принадлежностями. Мебель стояла основательная, простая и по-крестьянски удобная, и Джориану вспомнился охотничий домик, доставшийся ему, королю Ксилара, от предшественников. По стенам висело оружие, дощатый

пол устилали шкуры медведей и других лесных хищников, по лавкам были разбросаны расшитые подушки.

Девушка проследовала на кухню. Заноса кувшин на приступку возле раковины, Джориан вдруг пошатнулся.

– Какая муха тебя укусила? – вскинулась девушка. – Только не говори, что такому здоровяку не под силу поднять кувшин!

– Что ты, милая дамочка. Просто я не ел три дня.

– Великий Зеватас! Сейчас мы все поправим. – С этими словами она принялась рыться в хлебнице, яблочной корзине и где только можно.

– Как тебя величать? – спросил Джориан, освобождаясь от лука и ранца. – Что-то не приходилось слышать, чтобы того, кто спас тебе жизнь, звали «Эй, ты!».

– Я не спасала тебе жизнь.

– Спасешь, коли накормишь. Ну так как?

– Меня зовут Ванора. – И, поймав вопросительный взгляд Джориана, добавила: – Ванора из Гованнии, если хочешь.

– Я и смотрю, выговор знакомый. Ритос тебе кто, отец или дядя?

– Он-то – родня? – У девушки вырвался короткий иронический смешок. – Он мне хозяин. Чтоб ты знал, он меня купил в Гованнии как рабыню для любых работ.

– Как это?

– Любовника приколола, бродягу никчемного. Уж не знаю почему, но я вечно влюбляюсь в пьяных мужиков, которые меня же и лупят по чем зря. Короче, этот придурок помер, и мне собирались отрубить голову, чтобы больше так не делала. Но в Гованнии чужестранец может купить приговоренного раба, если обещает увезти его из страны. Стоит мне туда вернуться, и прощай, голова.

– Как Ритос тебя уламывает?

Ванора поставила на приступку тарелку с краюшкой хлеба, кусочком вяленого мяса, ломтиком сыра и яблоком.

– Он вовсе не «уламывает», – подойдя вплотную, сказала она. – Во всяком случае, не то, что ты думаешь. Пока я слушаюсь, он обо мне и не вспоминает, даже по ночам; занятия магией, говорит, требуют целомудрия.

Он сейчас в кузне, возится с новым мечом Даунаса. Носа из сарая не высунет, пока ужинать не позову.

Приоткрыв рот, она в упор взглянула на Джориана и, подавшись вперед, легонько коснулась его руки своей большой грудью. Джориан слышал ее прерывистое, свистящее дыхание. Затем безотчетно покосился на полную тарелку.

– Не обижайся, хозяйка Ванора, – чуть отодвинувшись, сказал он. – Мне перво-наперво надо поесть, а то помру с голодухи. Где тут можно сесть?

– Поесть! – фыркнула Ванора. – Садись за этот стол. Вот сидр. Не увлекайся, он только с виду слабый.

– Спасибо, хозяйка. – Джориан с ходу набил рот едой и, с усилием глотнув, спросил: – Если я верно понял, Ритос кует волшебный меч для его незаконнорожденного высочества?

– Нету у меня времени, мастер Джориан, ляды точить. Работы невпроворот.

Громко стуча каблуками, Ванора вышла из кухни.

Джориан ухмыльнулся ей вслед: молодая бородка встопорщилась. Непонятно, чего она разозлилась? Может, он попал в точку? Джориан с аппетитом поел, от души выпил и вернулся в захлавленную комнату. Когда Ритос-кузнец заглянул туда спустя несколько часов, бывший король лежал прямо на полу, завернувшись в медвежью шкуру, и громко храпел.

Джориана разбудил тихий скрип открываемой двери. Увидев входящего кузнеца, он вскочил на ноги и поклонился.

– Привет тебе, мастер Ритос! – воскликнул он. – Твой покорный слуга нижайше благодарит за гостеприимство.

Кузнец был гораздо ниже стоявшей за ним Ваноры, но таких широченных плеч Джориану еще видеть не приходилось. Пожатие огромной руки заставило крепкого Джориана скривиться от боли. Продубленное лицо под седыми космами было сплошь покрыто складками и морщинами; на нем резко выделялись полуприкрытые тяжелыми веками холодные оловянные глаза.

– Добро пожаловать в мой дом! – пророкотал Ритос. – Сожалею, что из-за досадной ошибки в одном из моих защитных заклинаний тебе пришлось плутать по лесу. Ванора говорит, ты пришел полумертвый от голода.

– Ага. Я прикончил провизию и хотел подстрелить какую-нибудь дичь. Я-то думал, что умею обращаться с луком, но первый же попавшийся заяц меня разубедил.

– Наверное, лешие увели зверей с твоего пути. Охраняют их от охотников не из любви к живой природе – для себя берегут. Садись, мастер Джориан. Сегодня вечером можешь отдыхать, а завтра я подумаю, как ты отработаешь пропитание, пока будешь жить здесь. Ну, рассказывай, как ты попал в эту передрыгу, – продолжал Ритос, пока Ванора разливала вино.

– Началось все пять лет назад, – с готовностью заговорил Джориан, который был рад поболтать после вынужденного молчания, – но лучше вернуться к истоку.

Отец мой, Эвор-часовщик, доживал свой век в Ардамэ.

– Где это?

– Городок в Кортотии, недалеко от столицы. Он хотел научить меня делать клепсидры – водяные часы. Да только руки у меня оказались слишком большие и неуклюжие для тонкой работы, даром что с уздой, мечом, плугом и посевами управлялись исправно. Я всю премудрость выучил, но как до дела дойдет – стоп!

Ну, в конце концов он махнул на меня рукой, только напоследок потащил с собой в Двенадцать Городов, где у него были заказы на установку клепсидр.

И вот он отдал меня подмастерьем к Фимбри-плотнику из Ардамэ. Только Фимбри через месяц отослал меня обратно, да еще счет приложил за сломанные инструменты – силушку свою я сдерживать тогда не умел.

Пришлось отцу определить меня к Рубио, кортольскому торговцу. Там я прослужил год, но в один прекрасный день просчитался в выручке. Этот Рубио был малый злющий и вспыльчивый, а дела у него в то время шли неважно. Ну, он на меня и набросился, да не учел, что я за год его перерос. Огрел меня тяжелой тростью, а я палку-то вырвал и переломил об его голову. Он упал и лежит. Ну, думаю, убил; я и сбежал домой в Ардамэ.

Отец меня прятал, пока не дошел слух, что Рубио оклемался. Потом пристроил в дом бездетного крестьянина, некоего Оннуса. Все толковал мне, что, ежели поведу игру с умом, ферма мне достанется: Оннус – вдовец, и родни у него нет. Но Оннус оказался скрягой из тех, что, закалывая свинью, ищут, кому бы и свинячий визг продать, чтобы не пропадал. Заставлял меня работать по шестнадцать часов в день и чуть совсем не уморил. В конце концов он меня застукал, когда я вместо работы приударял за соседской дочкой, и отходил хлыстом. Я, ясное дело, хлыст вырвал...

– И всыпал хозяину по первое число? – догадливо спросил Ритос.

– Нет, мой господин, как можно. Я всего лишь засунул хозяина башкой в кучу его собственного дерьма, да так, что он насквозь проскочил, и пошел себе спокойненько домой.

От вина Джориан заметно повеселел и заговорил сбивчиво, оживленно размахивая руками:

– Отец, бедолага, просто с ног сбился, чтобы найти мне работенку по силам. Старшие братья стали умелыми, уважаемыми часовщиками, сестры повыходили замуж, я один болтался без дела. «Родись ты с двумя головами, – говаривал отец, – мы б тебя за деньги показывали,

но ты просто молодой, здоровый, неотесанный болван, только баклуши бить и умеешь». Так вот, решили мы пойти к Зимбалле, ардамэйской колдунье.

Подбросила ведьма трав в котелок, насыпала в огонь каких-то порошков – повалил дым, а по стенам заплясали тени, хотя кто их отбрасывал – ума не приложу. Впала она в транс, шамкает что-то, бормочет. И говорит она под конец: «Джориан, сынок, по всему выходит, быть тебе королем или бродягой».

«Как это? – говорю. – Сам-то я хочу стать уважаемым ремесленником, как папаша, и жить припеваючи».

«Твоя беда, – продолжает ведьма, – что ты слишком хорош, чтобы ходить за плугом или мести улицы города Кртолии. Уж коли ни одно дело не дается, значит, боги тебе другое назначили. Такому, ежели он не рожден в богатстве и роскоши, одна дорога: по земле топтать и людьми править. Рано или поздно одно приводит к другому».

«А вот, к примеру, солдатская служба?» – спрашиваю.

«Солдат всегда бродяга».

«В солдаты и подамся», – говорю.

Отец пытался мне отсоветовать, мол, с твоим ли умом лямку тянуть да что, мол, в этой работенке девять десятых скуки смертной и одна – леденящего ужаса. Но я ответил, что мне пока от этого ума ни жарко ни холодно, и пошел-таки в солдаты. В Кртолии мне дали от ворот поворот – видно, Рубио нашептал кому надо.

Отправился я в Оттомань и поступил алебардщиком к его незаконнорожденному высочеству. Год маршировал взад-вперед по плацу под гавканье офицеров: «Копья наперевес! Вперед, арш!» Дрался в сражении, когда Свободный Отряд хотел разграбить Оттомань. Но его незаконнорожденное высочество бросил на них свою новомодную кавалерию – закованных в панцири рыцарей на огромных битюгах – и разбил наголову. Они врага и на выстрел к нашей пехоте не подпустили. Под конец срока я согласился с папашей: жизнь наемника не по мне.

Ушел я со службы и отправился в Ксилар. Явился аккурат в тот день, когда они казнили старого короля и выбирали нового. Мне наставник в детстве, помню, рассказывал про этот забавный обычай, но я впервые попал в Ксилар и совсем забыл о нем. Словом, когда мне прямо в лицо полетело что-то круглое, черное, как футбольный мяч, я его поймал. И вдруг, ужас, вижу: это только-только отрубленная человеческая голова, и кровь по рукам течет. Бр-р! Тут мне сказали, что я и есть новый король Ксилара.

Сперва я балдел; они меня всего раздели, пичкали вкусной жратвой и выпивкой, красивых жен мне нашли. Но быстро скумекал: сегодня я поймал голову, а через пять лет сам лишусь головы.

Здесь, ясное дело, всего вдоволь: одежды, еды, выпивки, женщин для забав, – но, ежели тебе отрубят голову, другая не вырастет. Пролетал я так с годик под наставления старого Граллона и Таронуса и решил: пора из этой западни выбираться любым способом.

Начал с самого простого – выскользнул из дворца и дал деру. Но ксиларцы к этому привычные и тут же меня сцапали. Там у них целая рота – Королевская гвардия называется – неплохо владеет сетями и арканом; они к королю специально приставлены, чтобы часом не удрал. Пробовал вербовать соучастников – они предали меня. Пробовал подкупить стражников – они прикарманили денежки и предали меня.

На третий год я постарался стать таким королем, чтоб ксиларцы смилоствились и отметили свой обычай. Стал реформатором. Изучил право и боролся за исполнение законов. Изучил экономику и придумал, как без вреда для королевства снизить налоги. Изучил воинское искусство и очистил дол от разбойников, а побережье – от пиратов. Сказать правду, одна мысль о сражении вгоняет меня в дрожь...

Кто счастлив скакать на коне боевом?

Не я!
Кто любит размахивать острым копьем?
Не я!
Кто рад, когда панцирь железный на нем?
Кто шлем не снимает ни ночью, ни днем?
Мечтает о стычках кровавых с врагом?
Не я!
Кто жаждет мечом супостата проткнуть?
Не я!
Иль дротик метнуть неприятелю в грудь?
Не я!
При лязге оружия кого берет жуть?
Кто очень хотел бы с войны улизнуть,
Чтоб пиво из кружки в таверне тянуть?
Я! Я!²

Однако топор был еще страшнее, и в конце концов злодеи стали меня бояться больше, чем я их.

– Кто сочинил эти стихи? – спросил Ритос.

– Некий безвестный рифмоплет, по прозвищу Джориан из Ардамэ. Но к делу, через год все были уверены: король Джориан, даром что молодой, лучший правитель с начала времен.

Думаешь, ксиларцы отменили свой дурацкий закон? Ничуть не бывало. Наоборот, поставили дополнительную охрану, чтоб я уж точно не убежал. Я отправлялся на верховую прогулку, охоту, ловить разбойников и даже к бабе не иначе как в окружении целого отряда арканщиков из швенских степей, следивших, чтобы я не дал деру.

Я тогда совсем раскис. Ударился в загул – жратва, выпивка, бабы, ночные кутежи. Так что к концу четвертого года превратился в жирную слюнявую развалину.

В ту зиму я подхватил простуду, простуда перешла в лихорадку – в общем, чуть не помер. Вот метался я в бреду, и привиделся мне какой-то человек. Иногда он казался похожим на отца, который аккурат в тот год преставился.

Я посылал родителям вдоволь денег, но в Ксилар позвать не смел: стоило мне при случае удрать, они бы оказались заложниками.

Иногда тот странный человек представал в обличье одного из великих богов: то он был Герикс, то Псаан, а то и сам старина Зеватас. Короче, с лица был разный, а говорил одно: «Джориан, сынок, мне стыдно за тебя; с твоим ли умом и силой сдаваться перед таким пустяком, как угроза потерять голову? Покажи им всем, малыш! Попытаешься удрать, может, что и выйдет, а уж не попытаешься – пеняй на себя. Чем ты, собственно, рискуешь?»

Я поправился, но слова запали в душу. Я услал всех женщин, оставил только четырех законных жен да пятую, какую сам выбрал. Упражнялся в оружейной и гимнастическом зале, пока не стал здоровее прежнего. А еще перечитал в королевской библиотеке все, что могло сгодиться для побега. Год убил на гимнастику и книжки. Ох, и трудное это дело – одновременно упражнять тело и голову, легче рыбу научить на волынке играть. После гимнастики так устаешь, что премудрость не лезет в голову, а когда читаешь книжки, не остается времени на гимнастику. Я старался как мог.

Я так рассудил: коли боги меня предназначили для бродячей жизни, нелишне к ней подготовиться, поэтому изучал все, что мало-мальски могло сгодиться. Выучился говорить по-мальвански, по-федирански и по-швенски. Сумел овладеть не только обычным оружием, но

² Перевод С. Мурзиной.

и орудиями преступников: мешочком с песком, кастетом, удавкой, отравленным перстнем... Нанял Мерлуа-актера, и он научил меня гримироваться, перевоплощаться и копировать чужой говор.

В последний год своего царствования я также сколотил отряд из самого мерзкого отребья, какое удалось найти в Двенадцати Городах: карманник, мошенник, фальшивомонетчик, разбойник, основатель культов и секретных обществ, контрабандист, шантажист и два грабителя. Содержал их в довольстве, а они меня обучали своему ремеслу. Теперь мне ничего не стоит взобраться по отвесной скале, взломать ставни, сорвать замок, вскрыть сундук и – коли застукают – убедить домовладельца, что я добрый дух, посланный богами для проверки его поведения.

Пройдя обучение, я стал, можно сказать, неплохим подмастерьем широкого профиля. То есть я не сумею нанести такой же страшный удар, как Тартоньо, мой бывший тренер по фехтованию; так же ловко держаться в седле, как Корквин, мой тренер по верховой езде; так же освоить грабеж, как предводитель воров Инэс; так же изучить право, как верховный судья Граллон; стать таким же искусственным царедворцем, как канцлер Таронус; так же владеть языками, как мой библиотекарь Штимбер. Зато я, вооружившись щитом и мечом, поборю их всех, кроме Тартоньо, обскачу всех, кроме Корквина, переговорю всех, кроме Штимбера...

Читая одну книжку, я узнал о Силах Прогресса. Какой-то из моих предшественников закрыл Школу магических искусств и изгнал из Ксилара всех колдунов. Этот запрет так и не был снят...

– Знаю! – взревел Ритос. – Зачем я, по-твоему, забрался в эту глушь? Чтобы не попасть в сеть законов и указов, которой Города ловят жаждущих высшей мудрости. Правда, ни в одном из Двенадцати Городов нет столь сурового закона, как в Ксиларе, но в каждом из них его успешно заменяют инструкции, лицензии и контролеры. Провалились они в сорок девять мальванских преисподних! Рассказывай дальше.

Джориан продолжил:

– Поэтому в Ксиларе остались только ведьмы и колдуны-недоучки – пугливые нарушители закона, которые сводят концы с концами, торгуя из-под полы амулетами, зельями и гороскопами; добрая половина из них просто подделки. Я испробовал в деле несколько местных колдунов и колдуний, но толку не добился. Тут мне подвернулся доктор Карадур; он приехал в Ксилар под видом святого и как таковой не подпадал под действие нашего закона. Мой побег с помоста – его заслуга.

– Карадур не лишен достоинств, – заметил Ритос, – чего не скажешь о его дурацких идеях и недостижимых идеалах...

Непонятные звуки прервали излияния кузнеца. В дверь явно скреблись. Ванора открыла, и в комнату одним прыжком влетело какое-то животное. Джориан вздрогнул от неожиданности – перед ним сидела белка величиной с собаку, весом добрых двадцать фунтов. Зверь был покрыт длинной черной блестящей шерстью. Белка что-то процокала Ритосу, потерлась головой о его колено, позволила почесать себя за ухом и усакала на кухню.

– Это Иксус, мой демон-подручный, – пояснил Ритос. – У него тело гигантской белки с Елизовы и душа низшего демона из Четвертой реальности.

– Что это за Елизова такая? – поинтересовался Джориан.

– Земля на крайнем юге, по ту сторону экваториальных джунглей, что лежат к югу от Мальваны. Отважные мореходы с Цолона открыли ее всего год-два назад. От них-то мы и узнали о Елизове. Смею тебя уверить, Иксус обошелся мне в кругленькую сумму. Некоторые из моих братьев предпочитают обезьяноподобных демонов – они, дескать, исключительно ловки. Я, однако, с ними не соглашусь. Во-первых, обезьяны – существа нежные и плохо переносят холод, а во-вторых, как родственная человеку ветвь, обладают собственным высоко развитым мозгом, который трудно подчинить влиянию извне, – безучастно отозвался кузнец.

Голос у него был холодный, ровный и безжизненный. Казалось, он обращается к собственной тарелке.

– Ты начал говорить о Карадуре, – напомнил Джориан.

– Я просто хотел сказать, что все его идеалы по-человечески понятны, но неприменимы в реальной жизни. То же относится и к его ложе.

– Здесь, как я слышал, мнения расходятся. Ты можешь изложить свою точку зрения?

– Ложа Карадура, так называемые Альтруисты...

– Или Белая Ложа, да?

– Они действительно делят нас на Белую и Черную Ложи, но мы этих различий не признаем. Они их специально придумали, чтобы склонить мнение в свою пользу. Короче, самозванные Альтруисты готовы разболтать тайны оккультизма непосвященным, всем кому не лень. Тогда, мол, все человечество сможет вкушать этих знаний. Люди будут сыты и одеты; у них будет пылкая юность, многочисленная любящая родня и безбедная старость.

Так вот, будь все люди столь же прилежны, как мы, посвященные Сил Прогресса, которым приходится учиться многие годы и отвергать ради самосовершенствования житейские удовольствия, которых, прежде чем причислить к нашему братству, старшие собратья подвергают суровым испытаниям и которых страшная клятва обязывает применять свое знание на благо человечества, – будь все остальные люди столь же хорошо обучены и пройди они перед посвящением столь же строгий отбор, тогда, возможно, идеи Альтруистов имели бы смысл.

Но ты и сам понимаешь, мастер Джориан, не все люди достойны тайных знаний. Одни глупы, другие ленивы или безнадежно испорчены. Большинство ставит личную выгоду выше интересов общества; большинство ради минутного удовольствия, не задумываясь, откажутся от того, что может составить счастье всей дальнейшей жизни. Вручить страшное знание беспомощной толпе недоумков, жуликов и неумех? Уж лучше вложить бритву в пухлые пальчики грудного младенца! Да попадись им в руки наши страшные заклинания, такие люди без зазрения совести сровняют с землей целый город, лишь бы это помогло им избавиться от одного-единственного личного недруга. Вот поэтому мы – Благодетели – категорически против предложения Альтруистов.

Несмотря на важность того, что говорилось, Ритос все так же безучастно ронял слова и ни разу не повысил голоса. В нем угадывался какой-то автоматизм; Джориан вспомнил легенду о заводном прислужнике, которого бог-кузнец Вэзус выковал в помощь остальным богам, и о последовавшей за этим череде бедствий, когда механический человек тоже захотел стать богом.

– Чем ты занят сейчас? – спросил Джориан, покончив с едой.

– Почему бы и не сказать, максимум через три дня я закончу работу. Это меч Рандир, который я куяю для его незаконнорожденного высочества. Когда произнесу последнее заклинание, меч будет разрубать доспехи, как масло.

Главная тонкость, скажу тебе, заключается в том, чтобы произносить заклинания во время закалки металла. Некоторые произносят их раньше, при первом нагреве или во времяковки. Однако большинство подобных заклинаний не выдерживают перегрева и ударов.

Но вернемся к твоему побегу. Какую плату запросил Карадур? Я знаю, что, несмотря на притворное благочестие, старый мошенник не станет давать даром такое трудоемкое и опасное магическое представление.

– Ох, он сказал, дескать, ваши Силы Прогресса хотят, чтобы я отправился в столицу Мальваны и выкрал какой-то древний ящик под названием «Ларец Авлена», который, мол, набит до отказа потрясающими старинными заклинаниями. Еще Карадур хочет, чтоб я отволок этот ящик в Башню гоблинов в Метуру. Там, как я понял, вы устраиваете большой Конклав.

– Ага! Теперь ясно! Карадур тебе сказал, что мы все хотим завладеть сундуком? Он соврал, потому что я впервые об этом слышу. Это они, так называемые Альтруисты, и никто

другой, мечтают заполучить сундук, чтобы заставить нас, Благодетелей, принять их безумные предложения. Как они собираются держать тебя в повиновении?

– Заклятием: ежели сверну с пути в Тримандилам, меня замучают головные боли и кошмары. Я проверял, все так и есть.

– Мог бы и сам догадаться. Но давай, мой добрый господин, вернемся к рассказу о твоём побеге.

Рассказывая о неудавшейся казни, Джориан втайне клял свою глупость. Он по ошибке решил, что Ритос либо знает о намеченной краже Ларца Авлена, либо на худой конец ему можно без опаски рассказать об этом. Теперь же выходило, что он, Джориан, зачем-то ввязался в драку между двумя ложами колдовского братства. Ритос, вполне вероятно, начнет совать палки в колеса. Развязавшийся от вина язык снова, уже в который раз, подвел Джориана.

Немного утешала мысль, что Карадур отчасти сам виноват в его, Джориана, промашке. Старый колдун, не высказываясь напрямую, постарался создать впечатление, что предприятие задумано всем братством, а не одной Белой Ложей. Джориан с грустью подумал: даже Карадур с его высокопарной болтовней о чистоте, морали и этике оказался на поверку обманщиком и предателем.

Ритос безучастно дослушал рассказ Джориана.

– Отлично проделано, сударь, – сказал он под конец. – Пойдем спать, завтра много дел.

Почти весь следующий день Джориан ел, отдыхал и нежил свое давно не мытое тело в Ритосовой деревянной лохани. Он наблюдал, как Ритос держит клинок Рандир за обмотанный ветошью стержень: эфес еще не был насажен. Кузнец несколько раз накалял клинок докрасна, затем клал на наковальню и осторожно постукивал по нему то здесь, то там, выправляя малейшую кривизну или неровность.

На третий день Джориан совсем оправился. Помогал Ритосу доделывать меч, придерживая клещами проволоку, которую тот наматывал на рукоятку, и, придавая Рандиру окончательный лоск, до блеска начищал клинок и чашку эфеса из серебряной латуни. Вертел точильный круг, пока кузнец затачивал клинок.

Бесенок Иксус носился по кузнице, исполняя приказания Ритоса. Он злобно цокал на Джориана и все норовил вцепиться ему в ногу своими острыми беличьими зубами, пока кузнец на него не прикрикнул.

– Ревнует, – сказал Ритос. – Пойди-ка помоги Ваноре. Я сейчас буду произносить над эфесом предварительное заклинание и хотел бы остаться один.

Некоторое время Джориан безропотно колол дрова, таскал воду, месил тесто и полол огород, но не дождался от Ваноры ни одного приветливого слова. Он испробовал все – от лести до баек.

– Слыхала ты когда-нибудь, – говорил он, – о грандиозном поединке между кортольским королем Фузасом и его братом-близнецом Фузором? Король этот, слышь, был силач из силачей, почти как ксиларский Кадван Сильный, только Кадвану через пять лет отрубили голову, а Фузасу нет. Как-то, знаешь, не приходилось слышать, чтоб на состязаниях кто-нибудь поставил на безголового силача хоть клочок гнилой соломы.

Ну вот задумал Фузас отпраздновать пятьсот лет своей державы великолепным торжеством. По правде, он немного словчил, потому как в истории свободной Кортолии есть досадный пробел – когда Ардиман Ужасный из Гованнии захватил Двенадцать Городов и несколько лет ими правил, – но кортольцы постарались об этом забыть, да и кто их осудит?

Могучий король Фузас решил в разгар празднества порадовать народ и устроить состязание силачей, где он будет бороться с другими силачами. А надо сказать, что король страсть как любил борьбу. Однако была тут одна закавыка. Потому как король, слышь, считал, что уронит царскую честь, коли его побьют при всем народе. С другой стороны, ежели предупредить противника заранее, могут пойти слухи, а то еще такой попадет, который из почтения

сразу ляжет, без борьбы. В лучшем случае выйдет не состязание, а смертная скука, в худшем – пойдут насмешки, хуже этого нет для царской чести.

Конечно, можно было выбрать противника уж очень маленького роста, чтоб король наверняка его поборо.

Но опять же люди увидят, что их король бьется с карликом, и пойдут смешки.

И вот король Фузас попросил совета у придворного мудреца, колдуна Торинкса. Торинкс и напомнил Фузасу, что у него есть брат-близнец Фузор; он живет себе спокойно в сельском домишке в горах Южной Кортотии, хотя какое тут спокойствие, ежели ты окружен шпионами и соглядатаями, которые спят и видят, как бы на тебя донести, что, мол, хочешь трон у братца отнять. Фузор – он родился на четверть часа позже брата, – к счастью для себя, нрава был тихого. Всё рыбу ловил, соглядатаям и доносить-то было не о чем.

Так вот, Фузор и Фузас, говорит Торинкс, близнецы; значит, для борьбы пара самая подходящая, хотя Фузор, очень даже может быть, сейчас в лучшей форме, потому как живет на вольном воздухе, бумаг не подписывает, в суде не заседает, на пирах не объедается, за разговорами допоздна не засиживается. Пусть его привезут в Кортотию, и он сразится с Фузасом в разгар празднества. Оденут пусть близнецов одинаково, чтоб зеваки не могли их различить. Кто бы ни выиграл, победителем объявят короля Фузаса. У кого возникнут сомнения? А Фузора можно потом отправить обратно, успокоив щедрым подарком.

Так и сделали. Принца Фузора за месяц до торжества привезли в столицу и поселили во дворце. И в разгар празднества состоялся грандиозный поединок: король с братом, сплетаясь в клубок, долго катались по ковру. Сопели и хрюкали, как два борова, что никак кормушку не поделят. В конце концов один другого припечатал к ковру, и его объявили победителем. Публике также объявили, что это и есть король.

Но едва братья скрылись во дворце от взоров любопытной толпы, завязалась яростная перебранка. Они потрясали кулаками и осыпали друг друга угрозами. Оба, и победитель и побежденный, называли себя королем Фузасом; оба были похожи как две капли воды; оба были в красных набедренных повязках – поди разбери, кто из них не врет. Сперва канцлер развел их в стороны и расспросил о делах королевства. Но оба претендента без труда отвечали на вопросы. Ясное дело, Фузор – то есть один из двоих, – живя во дворце, весь месяц изучал обстановку, пока его царственный братец, готовясь к поединку, упражнялся в гимнастическом зале.

Тогда канцлер спросил совета у Торинкса. «Да, – говорит Торинкс, – есть у меня один вопросец. Пусть каждый претендент возьмет лист рисовой бумаги и подробно напишет, когда и сколько раз за этот месяц он посещал покои королевы Зильдэ. Покажите эти творения королеве, пусть скажет, какое писал настоящий король». Потому как не в пример южным областям Двенадцати Городов кортольцы даже королям не позволяли больше одной законной жены. Видно, вам, южанам, эта мода от мальванцев досталась.

Как задумали, так и сделали. Королева заглянула в списки и тотчас узнала, какой из них писан королем. Тот, в ком она узнала короля, получил обратно корону, трон и королевский сан, а второго, продолжавшего кричать, что он король, казнили за государственную измену.

Тут бы и делу конец, ан нет: прошли годы, король умер, настало время помирать и старой королеве Зильдэ. На смертном одре она созналась, что специально, из корысти, выдала писулю принца Фузора за королевскую. «Но, бабушка! – вскричала юная принцесса. – Почему ты решилась на такое нехорошее дело?» – «Потому, – отвечала королева-мать Зильдэ, – что эту свинью Фузаса я всегда терпеть не могла. У него воняло изо рта, а любился-то как! Я еще лежу холодная, что твоя стенка, а он уже раз – и кончил. Я и подумала: дай поменяю его на брата, может, этот мне больше сгодится. Куда там! Фузор оказался под стать братцу и в этом, и во всем остальном». Сказала и померла.

Ванора, однако, и не подумала сменить гнев на милость.

– Ты, мастер Джориан, ужасный хвастун, – заявила она, выслушав рассказ. – Держу пари, ты не соверш ишь и половины подвигов, которыми хвастаешься.

Джориан заискивающе улыбнулся:

– Ну, каждому ведь хочется понравиться хорошенькой девушке, что ж тут такого?

– За каким чертом? – фыркнула Ванора. – Ты даже интрижку не способен завести, пока не нажрешься как удав.

– Я бы мог доказать...

– Эй ты, не трудись, меня не проймешь.

– Я смертельно ранен, должно быть, леший поразил меня отравленной стрелой! – вскричал Джориан, схватившись за сердце и делая вид, что падает. – Ну чем еще я могу это доказать?

– Ты вот хвастал, что умеешь открывать замки. Видишь дверцу клетки?

Джориан приблизился к клетке. Обезьянец – на редкость безобразное существо, с ног до головы обросшее короткой седоватой шерстью, – зарычал на него. Подошедшая следом Ванора просунула ладошку сквозь прутья. Обезьянец бережно взял ее руку и поцеловал.

– Да он настоящий любовник, этот малый из Комилакха! – рассматривая замок, сказал Джориан. – Зачем он Ритосу? Работать не работает, не то что белка, а жрать небось просит. Для чего он нужен?

Ванора переговаривалась с обезьянцем по-комилакхски: сплошная воркотня и посвистывание.

– Без Зора, – пояснила она, – Ритосу не доделать меч Рандир. Проговорив последнее заклинание, он проткнет беднягу докрасна раскаленным мечом, который оставит в теле, пока клинок не остынет; потом, чтобы проверить остроту лезвия, отрубит Зору голову. По-настоящему-то нужен человек, но Ритос уверяет, что и Зор сойдет, он ведь почти как мы. И потом, за человека родня может отомстить, а за него нет.

– Бедный получеловек! Похоже, ты ему нравишься.

– Бери выше, Зор в меня влюблен.

– Откуда ты знаешь?

– Присмотрись, дурачина!

– О, я понял, о чем ты.

Джориан пошарил в потайном кармашке штанов и достал небольшой кусок крепкой изогнутой проволоки.

– Думаю, это поможет открыть замок. Придержи дверцу.

Он вставил проволоку в замочную скважину, немного подвигал и повернул. Запор щелкнул и отскочил.

– Осторожней! – сказал Джориан. – Зор может...

Вместо того чтобы помочь Джориану придержать дверцу, Ванора отступила на шаг и что-то крикнула Зору на его языке. Обезьянец с диким ревом бросился на дверь. Зор был тяжелее и мощнее Джориана, и тот не смог сдержать удара. Джориан отшатнулся и, споткнувшись, плюхнулся задом в грязь; обезьянец проскочил в открытую дверь.

– Держи его! – барахтаясь в грязи, заорал Джориан.

Но Ванора и не подумала ему помочь. Уперев руки в бедра, она с видимым удовольствием наблюдала, как Зор кинулся прочь и растворился в чаще.

– Ты все нарочно подстроила! – орал Джориан, пытаясь подняться. – Зачем, во имя медной бороды Зеватаса, ты...

– Что происходит? – раздался вдруг повелительный голос вышедшего из кузницы Ритоса. – Великий Зеватас, ты выпустил Зора! Ты что, парень, рехнулся?

Зачем ты так со мной поступил?

– Он демонстрировал свое умение открывать замки, – вставила Ванора.

– Зачем, безмозглый ты молокосос?! – взревел кузнец, потрясая кулаками.

Впервые за все это время Ритосу изменило хладнокровие.

– Негоже, сударь, обвинять женщин, – сказал Джориан, – но именно твоя дамочка предложила...

– Ничего я не предлагала! – заверещала Ванора. – Ты сам захотел, я отговаривала тебя...

– Как, маленькая лгунья?! – вскричал Джориан. – Да чтоб я в дерьме утонул, ежели не напощадам тебе по...

– Эй ты, никому ты не напощадай! – рявкнул Ритос. – Смотри на меня!

Джориан повернулся к кузнецу, затем попытался отвести взгляд и понял, что не в силах этого сделать.

Ритос сжимал в ладони какой-то предмет – то ли драгоценный камень, то ли зеркальце, то ли магический кристалл, Джориан не мог разобрать. Непонятный предмет сиял и искрился. Джориан смотрел на него как завороченный; казалось, из тела вынули душу. Какой-то уголок сознания подсказывал: отведи взгляд, не поддавайся, сбей кузнеца с ног и беги, – но тело отказывалось повиноваться.

Все ближе и ближе подходил кузнец, все ярче и нестерпимее становилось сияние. Мир вокруг Джориана померк и пропал; ему чудилось, будто он стоит посреди пустого пространства, залитого лучами пульсирующего, невыносимо яркого света всех мыслимых и немыслимых оттенков.

– Замри! – раздался над ухом безжизненный голос кузнеца.

Джориан обнаружил, что не может шевельнуть ни рукой, ни ногой. Он чувствовал, как Ритос свободной рукой обшаривает его одежду. Кузнец забрал кинжал, кошелек, затем отцепил пояс с деньгами и мешочек с отмычками.

– Теперь назад! – приказал Ритос. – Назад! Шаг! Еще шаг!

Он продолжал командовать, пока Джориан, птясь, не вошел в клетку.

Как в тумане, Джориан слышал скрип захлопнувшейся дверцы и лязг замка. Морок рассеялся: он был заперт в клетке Зора.

– Ну вот, – сказал кузнец, – раз ты украл у меня Зора, так займешь его место сам.

– Мастер Ритос, ты шутишь? – испуганно спросил Джориан.

– Тебе представится случай оценить мою шутку. Завтра я готовлюсь произнести последнее заклинание, ты будешь в нем главным действующим лицом.

– Ты хочешь сказать, что проткнешь меня мечом, чтобы его остудить, и испробуешь острие меча на моей шее?

– Вот именно. Острие Рандира поэты воспоют в веках, так что ты погибнешь ради благого дела. Если это тебя утешит.

– Клянусь медными яйцами Имбала, наказание слишком жестоко! Пусть я даже и виноват немного в побеге Зора, ни один цивилизованный человек не сочтет грубую ошибку преступлением, достойным смерти.

– Что мне ты и все прочие людишки? Насекомые, которых я давлую ногой, когда они перебегают мне дорогу. Закончить заклинания – вот что мне важно.

– Дружище, – произнес Джориан, вложив в голос всю свою задушевность, – не лучше ли отправить меня в Комилах? Я притащу тебе другого обезьянца. Тебе нетрудно заставить меня вернуться – стоит только наложить заклятие, как это сделали дружки Карадура. И потом, как же я разыщу Ларец Авлена...

– Твоя ложа ищет Ларец, чтобы воплотить свои безумные затеи; будет лучше, если ты умрешь и не сможешь участвовать в поисках. Кроме того, завтра удачное расположение планет, такой благоприятный день не повторится еще многие годы. – Кузнец обернулся к Ваноре: – Сдается мне, голубушка, что ты наболтала лишнего нашему гостю: он слишком много знает о работе над Рандиром. В свое время я с тобой разберусь. А теперь марш к своим кастрюлям.

Предоставь этому болвану пожинать плоды собственной дурости, хотя и этого сомнительного удовольствия он вскоре лишится.

– Мастер Ритос! – в отчаянии возопил Джориан. – Ложа там или не ложа, но, ежели ты убьешь слугу члена твоего братства, тебя ждут неприятности. Карадур отомстит...

Кузнец презрительно хмыкнул и, показав Джориану широкую спину, удалился в кузницу. Ванора куда-то подевалась. Джориану показалось, что затянувшая все небо свинцово-серая туча еще ниже нависла над землей, а над поляной сгустилась такая тьма, которую нельзя объяснить даже предгрозовой хмарью. К темнеющему небу, будто иссохшие черные руки, тянулись голые ветви деревьев.

Джорианом, как с ним частенько бывало перед грозой, овладело гнетущее напряжение. Он лихорадочно заметался по клетке, пробуя раздвинуть прутья решетки и подтягиваясь к решетчатой крыше. Его толстые волосатые пальцы безуспешно ощупывали замок.

Вечером, когда стемнело, мимо клетки с кувшином воды прошла Ванора.

– Хозяйка Ванора! – позвал Джориан. – Ты мне поесть не принесешь?

– За каким чертом? С завтрава еда тебе будет не нужна – в этом воплощении уж точно. Примирись бы лучше с богами, чем набивать свое бездонное брюхо.

Ванора ушла, но вскоре вернулась и просунула в клетку краюшку хлеба и черепок с водой.

– Тихо! – прошептала она. – Ритос не простит, если узнает, что я его не послушалась и трачу на тебя припасы. Если он только узнает, шкуру с меня спустит – я ведь проболталась о заклинании над Рандиром. Ритос не помнит добра и не прощает обид.

– Мерзкий малый. Можешь меня отсюда вызволить?

– Поближе к ночи, когда он будет занят своими заклинаниями.

– Так ведь последнее заклинание завтра, разве нет? – Завтра; сегодня только подготовка.

Кузнец рано поужинал и вернулся в кузницу, откуда вскоре послышались его завывания и барабанная дробь. Казалось, над сараем сумерки сгущаются особенно быстро. Тьма поглотила кузницу, и оттуда стал доноситься совсем уже непонятный шум: какое-то карканье, кваканье и целая какофония звуков, которые прежде Джориану слышать не доводилось. Время от времени этот гам перекрывал повелительный голос Ритоса. Вокруг сарая, проникая сквозь щелястые стены, разливалось странное мертвенно-голубое сияние. Джориана била крупная дрожь; казалось, еще немного, и он выпрыгнет из собственной кожи. Напряжение становилось невыносимым.

Ванора, как тень, возникла из темноты.

– В-возьми! – шепнула она, просовывая в клетку дрожащую руку. – Не вырони, а то утонет в грязи.

Это оказалась отмычка, которой Джориан открывал днем клетку.

– Когда Зор выскочил, ты ее обронил, – сказала Ванора. – Ритос все отобрал, а ее не заметил.

Джориан нащупал на внешней стороне запора замочную скважину и вставил проволоку. У него так тряслась рука, что он с трудом попал в отверстие. Сидя в клетке, было очень неудобно поворачивать проволоку, но после нескольких неудачных попыток засов поддался и отскочил. Голубая вспышка снова озарила кузницу. – Держи! – сказала Ванора и сунула ему в руку что-то холодное. Джориан ощутил рукоятку своего охотничьего меча. – Нужно убить Ритоса, пока он занят своим заклинанием.

– Почему бы нам просто не сбежать в Оттомань? Твой кузнец – настоящий колдун; как-то не хочется, чтоб он превратил меня в паука.

– Трус! Тоже мне доблестный рыцарь, готовый сразиться с любым врагом! Ты жалкая, расчетливая деревенщина; ты взвешиваешь все «за» и «против», как меняла, который отсыпает золотой песок.

– Никогда не рвался в доблестные рыцари. У меня от этих передраг до сих пор поджилки трясутся.

– Ну, будь раз в жизни мужчиной! Ритос ослаб от своих заклинаний.

– Не нравится мне это; я не убиваю людей без надобности. Почему бы нам просто не удрать лесом?

– Потому что, как только Ритос узнает о побеге, он тут же вернет нас назад заклинанием или пошлет своих демонов, и они нас пригонят сюда, как баранов. От него не скрыться, хоть за пять лиг убеги. А если это не удастся, он кликнет леших, и они нашьпигуют нас отравленными стрелами. Раз суждено бежать, надо сперва убить Ритоса, и чем быстрее, тем лучше.

Джориан взвесил в руке короткий изогнутый меч:

– Не шибко-то подходящее оружие, тем более что у Ритоса под рукой меч Рандир. Уж коль приходится идти на него с этим мясницким секачом, надо хоть левую руку чем-то прикрыть. Дай-ка накидку.

– Хочешь, чтобы мой единственный приличный наряд во время драки превратился в лохмотья? Не дам! Ах ты, мерзавец! – завопила Ванора, потому что Джориан рывком сдернул с ее плеч накидку и обмотал свою левую руку.

– Заткнись ты! – прошипел Джориан и с опаской двинулся к сараю.

Окна кузницы были закрыты ставнями. Жалюзи ставней тоже были опущены, а планки вплотную подогнаны одна к другой, как перья в птичьем крыле. Однако конец одной планки выскочил из гнезда и завалился книзу. Джориан припал к маленькому треугольному просвету.

Наковальня была сдвинута к стене. На ее месте, рядом с горном, кузнец вычертил углем три магические фигуры: большую в центре и две маленькие по бокам. В одной из боковых фигур стоял сам Ритос, в другой – Иксус. Дрожащие огоньки шести черных свечей, расставленных по углам треугольников главной фигуры, да неверное красноватое мерцание тлеющих в горне углей лишь усиливали ощущение темноты. Меч Рандир покоился в центре главной фигуры.

Кроме Рандира в круге главной фигуры находилось еще что-то, но Джориан никак не мог понять что именно. Какая-то темная клубящаяся субстанция, похожая на уродливое облако и очертаниями напоминающая человека, хоть невозможно было разобрать, где у этого фантома руки, где ноги и голова. Время от времени непонятную субстанцию пронизывали бледные разряды, похожие на ведьмин пламень или блуждающие огоньки.

Ритос делал над мечом пассы и нараспев бормотал заклинание. Иксус, отделенный от кузнеца главной фигурой, неотрывно глядя на хозяина, жезлом отбивал такт.

– Он не видит двери, – шепнула Ванора. – Можно ворваться и одним ударом всадить ему клинок в спину.

– А дух в магической фигуре?

– Он еще не материализовался, прервешь заклинание – сгинет в одночасье. Ну же, короткий выпад, и...

– Не шибко по-рыцарски, но рискнем. – Джориан шагнул к двери. – Не скрипнет?

– Не-а. Ритос терпеть не может ржавые петли, всегда их смазывает.

– Тогда берись за ручку и отворяй, да не шумни ненароком.

Ванора сделала, как было велено. Дверь неслышно распахнулась, и Джориан быстро шагнул в кузницу. Один большой прыжок – и меч вонзится Ритосу в спину, прямо под левую лопатку...

Но, на беду, Джориан забыл об Иксусе, который стоял напротив Ритоса. Стоило Джориану шагнуть внутрь, как демон заверещал и указал на него лапой. Кузнец, не оборачиваясь, отпрыгнул в сторону и при этом сбил одну из шести свечей. Подсвечник с грохотом покатился в одну сторону, свечка полетела в другую и погасла. Полупрозрачное чудище в большой фигуре растаяло в воздухе.

Не рассчитав прыжка, Джориан перемахнул место, где стоял прежде кузнец, и большую фигуру. Он налетел на меч Рандир, споткнулся и чуть не врезался в Иксуса; тот увернулся и, оскалив острые клыки, бросился на Джориана.

Джориан вонзил меч в метнувшееся к нему черное, обросшее густой шерстью тело; еще секунда, и Иксус вцепился бы ему в ногу. Удар отбросил огромную белку на горн, где она и осталась лежать, корчась и истекая кровью. Меч разрубил ее почти надвое.

Ритос пришел в себя. Он попятился к главной фигуре и схватил меч Рандир. Когда Джориан, покончив с демоном-подручным, обернулся, кузнец подступал к нему, размахисто вращая мечом. «Ого, да он знаком с веерной защитой», – молнией пронеслось в голове.

При свечном освещении морщинистое лицо Ритоса казалось бледным; по нему струился пот. Кузнец с трудом передвигал ноги и тяжело дышал – колдовство отняло много сил. Однако, несмотря на крайнюю усталость, от этого человека веяло такой мощью, что Джориан усомнился в исходе поединка.

Рандир был почти вдвое длиннее охотничьего меча; Джориана так и подмывало отступить перед натиском и уйти в глухую оборону. Но он не сомневался, что в этом случае кузнец очень скоро загонит его в угол. Поэтому бывший король не тронулся с места и попеременно отражал удары то своим коротким мечом, то рукой, замотанной в накидку Ваноры.

Поначалу натиск был таким яростным и стремительным, что у Джориана не оставалось времени на выпад или ответный удар. Похоже, кузнец, понадеявшись на превосходящую мощь Рандира и ярость своих атак, решил пожертвовать последними силами в отчаянной попытке прорвать защиту Джориана.

Однако вскоре возраст и усталость дали о себе знать: удары Ритоса утратили прежнюю силу. Отразив накидкой очередной выпад, Джориан нанес кузнецу в грудь удар справа. Удар пришелся по касательной: меч лишь порвал рубаху и оцарапал кожу.

Ритос, тяжело дыша, отступил на шаг. Пришло время сменить тактику. Теперь он дрался мастерски, как заправский фехтовальщик, выставив правую ногу и держа на отлете поднятую левую руку. Джориан, которому приходилось пускать свою левую руку в ход, выбрал двуручную стойку: лицом к противнику, ноги на ширине плеч, колени полусогнуты. Борьба была равной. Ритос и Джориан, нападая и отступая, делая выпады и обманные движения, нанося удары и отражая их, кружили вокруг главной фигуры.

Джориан наконец почувствовал, что может успешно обороняться, но атаки не удавались – длина Рандира делала Ритоса недостижимым. Джориан попытался навязать кузнецу ближний бой, но тот молниеносно выбросил вперед свой длинный меч и успел задеть незащищенную правую руку врага. Острие задело Джорианов рукав и вырвало клочок материи. Джориан почувствовал, как холодный клинок коснулся кожи.

Противники снова сошлись. Они по-прежнему кружили вокруг большой фигуры, тяжело дыша и не спуская друг с друга глаз. Джориан случайно уронил еще одну свечу, и она тут же потухла.

К кузнецу, похоже, пришло второе дыхание, а вот Джориан начал уставать. Удары так и сыпались на его правую руку, Джориан отбивался, но выпады становились все опаснее.

Кружа по кузнице, Ритос снова оказался спиной к двери. Ванора, которая все это время нерешительно топталась в дверном проеме, шагнула вперед, сжимая в руке меч, брошенный кузнецом в начале поединка. Меч не годился для боя, Ритос использовал его для колдовских ритуалов – он был снабжен отполированным прямым тридцатидюймовым клинком с закругленным острием и тупой кромкой, сделанным из какого-то податливого металла, гладкой костяной рукояткой и медной чашкой в форме полумесяца. Короче, меч подходил только для заклинаний и вызываний духов.

Однако Ванору это не остановило. Сжав рукоятку обеими руками, она изо всех сил ткнула Ритоса в спину затупленным клинком. Кузнец вздрогнул, застонал и инстинктивно

обернулся. Воспользовавшись этим, Джориан подскочил к нему вплотную. Он швырнул в Рандир изорванный край Ванориной накидки, на мгновение лишив клинок подвижности, и вонзил Ритосу в грудь охотничий меч. Затем выдернул острие, нанес кузнецу удар в живот, снова рванул меч на себя и наотмашь рубанул Ритосу по горлу.

Ритос зашатался, как вековой дуб, и рухнул на пол.

Джориан стоял над ним, с трудом переводя дыхание. Отдышавшись, он вытянул из кучи ветоши у горна тряпицу, обтер клинок и вложил его в ножны. Измазанную кровью тряпицу Джориан кинул на тлеющие в горне угли – она задымила, вспыхнула и сгорела.

– Просто чудом уцелел, клянусь медной задницей Имбала, – сказал Джориан. – Хорошо, хоть он умаялся от своей ворожбы, а то б ни в жисть с ним не справиться.

– Ты не ранен? – спросила Ванора.

– Не-а. Слышь, а кровь-то у него настоящая. С виду он такая ледышка бесчувственная; окажись у него внутри зубчики-колесики, как в папашиной клепсидре, я б не удивился.

Джориан поднял с пола Рандир, оглядел клинок и рубанул по воздуху. У меча были благородные очертания, заточенное с одной стороны лезвие, защитная чашка; им было удобно рубить и колоть.

– Видно, он уж не волшебный, раз мы прервали заклинание. Как думаешь, есть для него ножны?

– Ритос ножны не делает, он их заказывает оружейнику из Оттомани. Может, какие и подойдут – надо в комнате поискать.

– Попробую подобрать. Худо, если ножны не подходят: идет себе, скажем, герой, встречает дракона или людоеда, хватать, а меч ни туда ни сюда – застрял. Как думаешь, ничего нам за кузнеца не будет?

– Не-е, не будет: в эту глушь никто не заглянет. Ксилар и Оттомань эти горы никак не поделят – оба считают их своими, да не больно торопятся прислать чиновников, чтоб прибрать владение к рукам.

Джориан поддел труп огромной белки носком башмака:

– Жаль мне, что пришлось убить его питомца. Он-то, бедняга, хозяина защищал.

– И правильно сделал, мастер Джориан. Иксус бы рассказал лешим, а уж те бы нас непременно прирезали в отместку за смерть дружка. Они и так вот-вот прознают, что Ритос окочурился.

– Откуда?

– Скоро морок рассеется, которым Ритос лесников отваживал. Как забредет в наши края охотник – сезон ведь теперь, – так они все к дому и сбегутся поглядеть, что с их колдуном приключилось.

– Чего ж мы мешкаем, пора отправляться в Оттомань, – заторопился Джориан.

– Сперва надо собраться. Мне без накидки ж не обойтись, от моей-то после драки одни лохмотья остались. У кузнеца возьму.

Они вернулись в дом, прихватив три горящие свечи.

– Я думаю, негоже нам трогаться в путь на голодный желудок, – проговорил Джориан. – Сварганишь какой-нибудь еды, пока я соберу пожитки?

– Все бы тебе есть! – рассвирепела Ванора. – Мне от этих передрыг кусок в горло не лезет. Да получишь ты свою еду! Только не рассиживайся; мы должны как можно дальше уйти от дома, пока темно, на рассвете лешие всполошатся.

Она принялась разжигать печку и греметь посудой.

– Тебе знакомы здешние тропы? – наблюдая за ее возней, спросил Джориан. – У меня есть карта, но в такую беззвездную ночь от нее мало толку.

– Я знаю дорогу в Оттомань. Мы там каждый месяц бываем: продаем Ритосовы мечи и разную железную утварь, берем новые заказы, припасы покупаем.

– Как вы все это доставляете?

– На осле. Держи свой ужин, мастер Обжора.

– Сама-то не поешь?

– Нет, говорю тебе, кусок не лезет в горло. Но раз мы так удачно избавились от проклятого выжиги, нелишне хлопнуть по глотку.

Ванора налила сидра себе и Джориану и залпом осушила свой кубок.

– Раз ты так смертельно ненавидела Ритоса, – поинтересовался Джориан, – чего ж не пробовала удрать?

– Говорю тебе, он умел возвращать беглецов ворожкой.

– Но если б ты в один прекрасный вечер дала деру, когда старый оборотень завалится спать, то к рассвету он бы уже не мог тебя достать своими заклинаниями. Сама ведь говорила, что тропы знаешь.

– Не могла я одна сунуться в эти дебри, да еще ночью.

– Почему не могла? На того, кто держится молодцом, леопард не нападает.

– А вдруг мне попался бы ядовитый гад?

– Ой, не могу! Ядовитые гады водятся в долине, а гигантские гады попадают только в мальванских джунглях; здесь, в горах, таких нет, здешние гады мелкие и безвредные.

– Ну и пусть, я все равно ужас как змей боюсь. – Ванора снова хлебнула вина. – Хватит о них, у меня при одной мысли об этих тварях кровь в жилах стынет.

– Ладно, – сказал покладистый Джориан. – Кузнеца будем хоронить?

– Обязательно, и могилу разровняем, а то лешие наткнутся на труп в кузне.

– Надо заняться этим поскорее, хоть подлец и не заслуживает похорон.

– Ритос не был законченным злодеем, по крайней мере он никогда не делал поступков, которые считал дурными. – Ванора икнула. – Надо отдать должное, хоть я и ненавидела его всеми печенками.

– Твой кузнец чуть меня не убил за то лишь, что я прознал, как он мечи кует. Ежели это не подлость, я вообще не понимаю, что ты считаешь преступлением.

– О, люди для него были пустое место. Его интересовало только искусствоковки мечей. Ничего ему было не надо: ни богатства, ни власти, ни славы, ни женщин. Одно было заветное желание – сделаться величайшим оружейным мастером всех времен. Эта мечта его так захватила, что вытеснила все человеческие чувства; никого он не любил, разве что к бесенку Иксусу был немного привязан.

Она снова жадно отхлебнула из кубка.

– Хозяюшка! – не выдержал Джориан. – Ежели ты надерешься на голодный желудок, дорогу в лесу не найдешь.

– Не твоя забота, пить мне или не пить! – взвизгнула Ванора. – Следи за своими делами, а в мои не суйся.

Джориан пожал плечами и занялся едой. Он отдал должное разогретому жаркому, заел его краюхой хлеба, половиной капустного кочана, пучком лука и яблочным пирогом.

– Зачем тебе понадобилось выпускать Зора? – спросил он Ванору.

– Во-первых, это чудище меня любило, а любви мне здесь чертовски недоставало. Похотливые молодцы вроде тебя в счет не идут – лопочут о любви, сами же только и думают, как бы тебе свою штуковину засадить. Невмоготу мне было думать, что Ритос принесет его в жертву своей дурацкой страсти.

Во-вторых, я... мне нравилось вредить Ритосу, ненависть свою тешить. Ну и потом, я сбежать хотела. Не умри Ритос, мне б здесь до конца дней куковать. Вот уж был весельчак, что твой гранитный валун. Колдуны живут дольше нас, смертных; я бы поседела и скрючилась от старости, а он бы меня пережил. Я не смела на него напасть, даже на сонного, – бесенок все

время был начеку. И бежать не смела, я уж говорила почему. Ну, я и решила: стравлю-ка вас двоих, может, и удастся удрать в суматохе.

– Тебе не пришло в голову, что я, ни в чем не повинный человек, могу погибнуть в этой потасовке?

– Ах, я надеялась, ты победишь, ведь я на твоей смерти много не выгадаю. А ежели б и помер, – Ванора дернула плечиком, – что с того? Чего такого хорошего мне сделало твое человечество, чтоб я прям всех любила без разбору, как учат жрецы Астис?

Она сделала длинный глоток.

– Клянусь костяными сосцами Астис, в откровенности тебе не откажешь, – утирая губы, заметил Джориан. – Раз мы отсюда уходим, тарелки можно и не мыть. Скажи, где Ритос хранит лопату, я его закопаю и питомца его тоже.

– На крю... на крюке в кузне, справа от двери, пам... прям как войдешь. – Язык у Ваноры заплетался. – Он б... был так... такой аккуратист, каждой штучке – свой крючок, и горе бедолаге, что перепутает крючки!

– Отлично! Я этим займусь, а ты пока собери пожитки, – проговорил Джориан и вышел, прихватив свечку.

Вернувшись через полчаса, Джориан обнаружил, что Ванора, некрасиво раскинувшись, лежит на полу, подол ее задрался, а в двух шагах валяется опорожненный кубок. Чего только он ни делал: звал ее, толкал, тряс за плечо, бил по щекам и плескал в лицо холодной водой. Ответом были пьяное мычание и пронзительный храп.

– Дура чертова! – проворчал Джориан. – У нас и так мало времени, чтоб опередить леших, надо же было тебе нахлестаться!

Некоторое время он предавался невеселым размышлениям. Бросить ее нельзя: он не знает дороги. Тащить на себе нет смысла...

Джориан махнул рукой, растянулся на лавке и укрылся медвежьей шкурой. Когда он очнулся, за окнами светало. Джориана разбудила Ванора: она жадно целовала его мокрыми, слюнявыми губами, бурно дышала и теребила одежду.

С восходом солнца, заперев дом Ритоса и кузницу, они тронулись в путь. У Джориана на поясе висел меч Рандир, вложенный в ножны, которые он отыскал в комнате кузнеца. Еще он прихватил кинжал работы Ритоса: смертоносное оружие с широким коротким лезвием и специальной защелкой – чтобы вынуть кинжал из ножен, надо было сперва нажать на кнопку. Рукояткой служил незатейливый, без всяких украшений, свинцовый набалдашник. Если бы потребовалось оглушить врага, такой кинжал можно было запросто превратить в удобную дубинку, используя нерасчехленное лезвие как рукоятку.

На плече у Джориана болтался верный лук-самострел, а под рубахой была надета прочная кольчуга, также позаимствованная в доме Ритоса. Чувствуя себя силачом, которому ничего не стоит уложить слона ударом кулака, Джориан выпятил могучую грудь и проговорил:

– Придется потягаться с лешими. Может, они не скоро спохватятся, что кузнец запропастился. А пусть бы и так, мне без разницы.

Нагружая пожитками Ритосова ослика, Джориан во все горло распевал по-кортольски бравурную песню.

– Чего распелся? – взъелась Ванора. – Ты своим ревом всех леших в округе всполошишь.

– Я просто счастлив, и все дела. Счастлив, потому как встретил свою единственную любовь.

– Любовь! – презрительно фыркнула Ванора.

– Ты меня что, ни капельки не полюбила? Я вот, красotka, по уши в тебя втрескался. Да и ты, как говорится, отдалась мне безраздельно.

– Чушь собачья! Да мне просто приспичило от долгого воздержания, и вся любовь.

– Но, милка моя...

– Ты меня «милкой» не милуй! Я не про твою честь. Я всего лишь пьянчужка с ненасытной дыркой – заруби себе на носу.

– Ох, – только и сказал Джориан; приподнятого настроения как ни бывало.

– Отвези меня в город да купи приличную одежду, а уж потом, коли охота, говори о любви – останавливать не буду.

Джориан вздохнул, его широкие плечи поникли.

– Ты не ведаешь, что творишь; ты сладкая булочка с медом, ты ничья, я должен тебя заслужить. Какой я дурак, что влюбился, хуже доктора Карадура, который доверился Ритосу. Да ничего не попишешь, провалиться мне на этом месте! Что ж, вознесем молитву Тио – и в путь.

III

«Серебряный дракон»

Трактир Рюйса «Серебряный дракон» притулился на задах ратуши, в двух шагах от центральной площади города Оттомани. В главной распивочной стояли шесть столов и двенадцать лавок – по две к столу; сбоку находились две занавешенные ниши, которые служили кабинетами для приема знатных клиентов. Напротив входа располагалась Рюйсова стойка: мраморный прилавок с четырьмя большими отверстиями; каждое было плотно прикрыто круглой деревянной крышкой с ручкой. Изнутри к стойке крепились четыре бочки с дешевым пойлом: пивом, элем, белым и красным вином. Каждой бочке полагался свой черпак. Выпивка сортом повыше, разлитая по бутылкам, выстроилась на полке за спиной трактирщика.

Дверь слева от стойки, если смотреть от входа, вела на кухню; при случае, когда клиент заранее заказывал обед, там стряпала Рюйсова жена. Справа от стойки находилась лестница; по ней можно было подняться в одну общую и три отдельные спальни, которые трактирщик сдавал внаем. Сам Рюйс занимал четвертую. Масляные светильники заливали распивочную мягким желтоватым светом.

Трактирщик был тезкой одного из ксиларских королей – Рюйса Безобразного, однако сам был отнюдь не безобразен, просто малорослый, жилистый, болезненный на вид человечек с редющей седоватой шевелюрой и мешками под глазами. Облокотясь на стойку, он наблюдал за немногочисленными завсегдатаями. Их было всего пятеро: мало кто из оттоманцев позволял себе засиживаться допоздна перед рабочим днем. Шестой, огромный, толстый, похожий на борова детина, развальясь, сидел в углу.

Дверь распахнулась, и в трактир вошел Джориан с Ванорой. У Джориана, который пять ночей провел в дороге, вид был измученный.

– Вечер добрый, – сказал он, подойдя к стойке. – Я Никко из Кортолии. Доктор Ма... Мабахандула не оставлял для меня весточки?

– Как же, оставлял, конечно же оставлял, – с готовностью отозвался Рюйс. – В аккурат сегодня заходил; зайду, говорит, снова после ужина, да вот не пришел.

– Тогда подождем. Твой мальчишка на заднем дворе обещал присмотреть за нашим ослом.

– Что будете пить?

– Мне эля, – сказал Джориан и вопросительно посмотрел на Ванору.

– Мне красного вина, – проронила та.

– Перекусить не найдется? – спросил Джориан. – Мы идем издалека.

– Есть хлеб, сыр и яблоки. Печь уже прогорела, так что горячего ужина предложить не можем.

– Прекрасно, пусть будут хлеб, сыр и яблоки. – И Джориан повернулся, собираясь усадить Ванору за один из столов.

– Мастер Никко! – сказал Рюйс ему вдогонку. – У тебя есть разрешение на эту висюльку?

И он указал на меч Джориана, который был теперь прикручен к ножнам проволокой. Концы проволоки скрепляла небольшая кожаная печать с двуглавым орлом – символом Оттомани.

– Мне его дали при въезде в город, – демонстрируя лист тростниковой бумаги, ответил Джориан. – Я направляюсь в Виндию.

Среди завсегдатаев выделялись двое мужчин; они выпивали и вполголоса бранились. Джориан с Ванорой ужинали, запивая еду вином, – спешить им было некуда. Другие посетители приходили и уходили, но парочка в углу продолжала спорить.

Время шло, Джориан и Ванора давно уже покончили с едой, а те двое все еще препирались. Один из мужчин в раздражении повысил голос. Через некоторое время он вскочил, перегнувшись через лавку и, потрясая кулаком, завопил:

– Ах ты, евнухово отродье, хочешь прикарманишь мои комиссионные, да? Ты еще об этом пожалеешь, я никому не позволю так со мной обращаться! В последний раз предупреждаю! Сей же час отдай мою долю, а не то...

– Отгребись, – отозвался сидящий за столом.

Дико взвизгнув, стоящий человек выплеснул в лицо обидчику содержимое своей кружки. Тот, брызжа слюной, попытался вскочить и выхватить нож, но плащ попал под лавку и не пустил. Пока сидящий боролся с плащом, стоящий осыпал его угрозами и оскорблениями. Видя, что назревает потасовка, развалившийся в углу здоровенный верзила бросил на Рюйса вопрошительный взгляд. Рюйс кивнул. Верзила с пыхтением встал, сгреб стоящего за грудки, приподнял, прошествовал к выходу и вышвырнул спорщика на улицу. Затем отряхнул руки и, не проронив ни слова, вернулся на место.

Ванора проводила верзилу долгим взглядом и, обращаясь к Джориану, сказала:

– Ума не приложу, как они проморгали, что на твоём мече стоит имя его незаконнорожд...

– Тихо! Молчи об этом. Как выпадет случай, сразу соскоблю.

Она дала Рюйсу знак принести еще вина и спросила:

– Что за титул такой – его незаконнорожденное высочество? Будто в насмешку. Мне рассказывали про великого герцога и его незаконнорожденное высочество, но ни разу не объяснили, что это значит. Который из них правит Оттоманию?

– Они соправители. Когда умирает великий герцог, его старший законный сын по оттоманскому закону наследует титул и становится новым великим герцогом и правителем королевства по гражданским делам, а старший незаконный сын того же самого великого герцога становится его незаконнорожденным высочеством и главнокомандующим армией. Заметь к тому же, незаконнорожденному нечего и пытаться захватить гражданскую власть – оттоманы так чтут закон, что никто просто не пойдет к нему на службу.

– Вот уж потешный способ править страной!

– Оттоманцы ввели этот обычай давным-давно: боялись, что, ежели правитель получит слишком большую власть, подданным житья не будет. Слушай, Ванора, может, не стоит опять напиваться?

– Захочу, так напьюсь. Как ты собираешься спереть этот тримандиламский Ларец?

– Доберемся туда с Карадуром, на месте и решим. План, грубо говоря, такой: я должен подбить клинья к царевне-змее.

– Царевна-змея? Это еще что?

– Бессмертное – а может, и не бессмертное, но лет ей очень много – существо; днем она прекрасная царевна, ночью – огромная змея. Ежели верить Карадуру, царевна имеет дурную привычку неожиданно превращаться в гада и пожирать бедолаг, которые, ни о чем не подозревая, за ней увиваются, чем, кстати, должен буду заняться и я.

Ванора грохнула кружкой о стол:

– Значит, ты мне всю дорогу от Ритосова дома про любовь нашептывал, а сам гадал, как бы окрутить эту... эту змеюку? Вот оно как!

– Послушай! У меня же нет выбо...

– Ты не лучше прочих, такой же лживый подонок! Дура я была, что тебя слушала. Прощай! – И Ванора привстала из-за стола.

– Милочка моя, клянусь именем Зеватасовой клячи, я не понимаю, из-за чего сыр-бор! Ты ведь и сама не без греха...

– Я б не шибко возражала, – яростно перебила его Ванора, – ежели б ты поймел настоящую бабу. Но змея! Тьфу! Счастливо оставаться! Вон где мужчина, он-то мне в самый раз!

Она, пошатываясь, пересекла распивочную и уселась на лавку подле развалившегося в своем углу верзилы. Тот приоткрыл свинячьи глазки; толстые губы на обросшем щетиной лице сложились в улыбку. Джориан плелся следом, взывая:

– Прошу тебя, Ванора, будь благоразумна!

– Ой, да придержи язык! Надоед. – Она повернулась к вышибале: – Как твоё имя, великан?

– М-м? Мое имя?

– Ага, красавчик. Твое имя.

– Босо, сын Трийса. Этот малый к тебе пристаёт?

– Не хочет неприятностей – отстанет.

– Ты кто будешь, малый?! – прорычал Босо, обращаясь к Джориану.

– Никко из Кортोलии, ежели интересуется. Эта дамочка пришла со мной, но она сама себе хозяйка. Ежели ты ей больше по нраву, я, может, и не одобрю её вкуса, но выбору мешать не буду.

– Угу, – хрюкнул Босо и снова развалился в углу.

Но Ванору прорвало.

– Никакой он не Никко из Кортोलии! – выкрикнула она. – Он Джориан, сын Эвора...

– Стоп! – снова раскрыв глаза и приосанившись, сказал Босо. – Я, кажется, догадываюсь. Ну-ка, ну-ка... – И он с подозрением прищурился. – Случаем, не Эвора-часовщика?

– Ага, он много чего рассказывал про папашу своего...

Взревев, Босо сорвался с места и принялся шарить под лавкой в поисках своей увесистой дубинки:

– Ты, значит, сын того, кто пустил меня по миру!

– Провалиться мне в сорок девять мальванских преисподних! Что ты мелешь?! – оторопело спросил Джориан, делая шаг назад и кладя руку на эфес.

Он попытался выхватить меч, но тот намертво засел в ножнах. Только сейчас Джориан вспомнил о проволоке, продетой сквозь чашку эфеса.

– Я был главным звонарем Оттомани, – орал Босо, – и неплохим, черт побери! Мы с подручными отбивали часы на башне ратуши: ни одного не пропустили. Двадцать лет назад... или десять? А, все равно... твой папаша-проходимец продал городскому совету водяные часы; их установили на башне, завертели винтики-колесики – и пошло: бом-бом, бом-бом. С этих пор я пробавляюсь поденной работой – жизнь мне загубили! Не удалось родителю твоему блудливому печенки отбить, хоть на тебе отыграюсь!

– Босо! – строго вмешался Рюйс. – Веди себя прилично, коли не хочешь потерять работу, болван неотесанный!

– Засунь её себе в задницу, хозяин! – рывкнул Босо и, потрясая колотушкой, шагнул к Джориану.

Джориан, который не мог вынуть Рандир из ножен, рывком стащил перевязь через голову и теперь обеими руками изо всех сил сжимал рукоятку зачехленного меча. Когда Босо, словно разъяренный гиппопотам с берегов Бхармы, шумно ринулся на врага, Джориан сделал ложный выпад, целясь ему в голову. Босо прикрылся дубинкой; Джориан тут же ткнул его в солнечное сплетение металлическим наконечником ножен.

– У-у-й! – скрючившись и невольно отступая, взвыл Босо.

Джориан и Босо были не в пример сильнее остальных посетителей, и те разбежались по углам, боясь попасть под горячую руку. Противники, бдительно следя друг за другом, нападали и отступали на пятачке между столами; проход был так узок, что не позволял кружить. Всякий раз, когда Босо пытался приблизиться и достать Джориана дубиной, наконечник ножен отбрасывал его назад.

Босо сделал решающий выпад; Джориан со всего маху съездил его по уху. Удар отбросил Босо в сторону, но верзила удержался на ногах. Маленькие глазки налились яростью, Босо шагнул вперед и нацелился свалить врага сокрушительным ударом справа.

Джориан отшатнулся, и дубинка просвистела мимо; ее увесистый набалдашник промелькнул на волосок от лица. От такого мощного промаха Босо немного занесло. Не давая ему опомниться, Джориан шагнул вперед и влево и наградил противника здоровенным пинком в спину, повыше правой почки. Босо боднул головой воздух и схватился за край стола, чтобы не упасть; в этот момент Джориан, оказавшись у него за спиной, накинул на верзилу петлю из своей перевязи. Он мигом затянул ремень на вышибаловой шее, закрутив его во всю силу могучих рук.

Босо раскрыл рот, но из него вырвался лишь слабый хрип. Вытаращив глаза, он топал ногами, брыкался и шарил вокруг себя, пытаясь схватить недосягаемого врага. Но руки были слишком толстые и короткие. Босо крутился на месте и кидался в узком проходе из стороны в сторону, таская Джориана за собой, но тот не ослабил хватки.

Лицо Босо сделалось синюшным, и он мало-помалу перестал сопротивляться. Верзила уцепился за край стола и сполз на пол.

Дверь распахнулась, и в трактир ввалилась целая компания. Одним из вошедших оказался Карадур с длинной белоснежной бородой и в тюрбане-луковице. За ним шла высокая седая женщина в поношенной черной мантии. Следом двигался отряд ночной стражи: офицер и четыре алебардщика.

– Мастер Рюйс! – сказал офицер. – Нам донесли, что у тебя драка. Кто этот человек? Что случилось?

– Это Босо, мой вышибала – я хочу сказать, бывший вышибала. Он затеял драку с клиентом и получил по заслугам.

– Виноват он один?

– Да, насколько я понял.

Офицер повернулся к Джориану:

– Ты собираешься подавать жалобу на этого человека?

Ванора приподняла голову Босо, уложила к себе на колени и тонкой струйкой вливала ему в глотку вино. Босо судорожными всхлипами втягивал в себя воздух; лицо его понемногу розовело. Джориан мешкал в нерешительности.

– Не надо... м-м... отправлять юношу в тюрьму, – попросил Карадур. – Не надо, Джориан.

– Никко.

– Да-да, как я мог забыть! Не отправляй беднягу в тюрьму. Он уже и так наказан, ты его чуть до смерти не задушил. – Откуда мне знать, что он, отдышавшись, не кинется на меня опять со своей колотушкой?

– Ты должен обезоружить его добротой. Помни, лучший способ избавиться от врага – это сделать его своим другом.

– Расчудесно. Может, ты еще хочешь, чтоб я ему новую работенку подыскал?

– Прекрасная мысль! – Карадур всплеснул сухонькими ручками; офицеру он сказал: – Думаю, сударь, мы можем оставить этот случай без последствий. – Затем, обращаясь к Рюйсу: – Этот человек годен на что-нибудь, кроме как работать вышибалой?

– Ни на что он не годен! Слишком туп, – отозвался трактирщик. – Он мог бы таскать корыто с раствором на какой-нибудь большой стройке, но таковой пока не предвидится,

– Здоровенный тугодум мне как раз и нужен, – произнесла седая женщина. – Он сможет копаться в саду и работать по дому и вдобавок будет служить охраной от невежественных дураков, что, едва завидя меня, начинают вопить: «Ведьма, ведьма!» А сами не могут отличить ведьмы от такой уважаемой волшебницы, как я.

– Сударыня, я прежде не имел удовольствия встречаться с тобой, – галантно сказал Джориан. – Меня зовут Никко из Кортолии.

– А меня Гоания, дочь Аристора. – Она наклонилась и потрепала Босо по плечу: – Вставай, парень!

Босо и Ванора, поддерживая друг дружку, не без труда поднялись на ноги.

– Босо, ты меня хорошо понимаешь? – строго спросила Гоания. – Должность в трактире ты потерял.

– А? – просипел Босо. – Хочешь сказать, я потерял работу?

– Вот именно. Пойдешь работать ко мне? Условия те же, что у мастера Рюйса: шесть пенсов в день на всем готовом.

– Мне пойти к тебе?

– Да, ко мне. Может, надо повторить?

Босо поскреб ногтем заросший щетиной подбородок:

– Да нет, думаю, сговоримся. Вот только сперва отверну кочан этому сукиному сыну часовщика, а то ходят здесь всякие, лишают честных людей заработка.

– Ничего ты никому не отвернешь. Сядь и успокойся.

– Послушай-ка, дамочка! Женщины мне не указ...

– Я не дамочка, я волшебница: будешь безобразничать, превращу тебя в жабу. Никаких больше ссор, говорю в последний раз. С этой минуты мы все хорошие друзья.

– Он-то? Добрый друг, да?

– Он самый. Он мог отправить тебя в тюрьму, но не захотел – решил, что здесь от тебя больше пользы, чем там.

Босо сердито зыркнул на Джориана, сплюнул на пол и что-то пробормотал себе под нос, однако покорно поплелся за Ванорой в дальний угол распивочной. Усевшись там, Босо мрачно цедил пиво и время от времени ощупывал саднящее горло, а девушка хлопотала вокруг и, как могла, утешала его.

Джориан, Карадур и Гоания устроились в противоположном конце зала.

– Куда ты запропастился, парень, сорок девять мальванских преисподних на твою голову? – спросил Карадур Джориан. – Мы здесь целую вечность торчим.

– Мне достали пропуск в библиотеку великого герцога, – отвечал Карадур, – и я так... ах... зачитался, что забыл о времени. Но у тебя, сынок, такой вид, будто тебе несладко пришлось. Ты похудел, хоть, может, это и к лучшему.

– Да, мне пришлось несладко, мне пришлось убить Ритоса...

Ахнув от неожиданности, собеседники Джориана придвинулись к нему вплотную.

– Мастер Никко, говори потише, – сказала Гоания. – Я знаю твое настоящее имя, но думаю, здесь не место его произносить, если не хочешь, чтобы трактирщик навел ксиларцев на твой след. Рассказывай же, как стряслось несчастье.

Джориан поведал все без утайки.

– По знакомым Ваноре тропам, – закончил он свою повесть, – мы двинулись в Оттомань, и вот мы здесь. Осли я поставил на заднем дворе.

– Девчонка оказалась хорошим попутчиком? – поинтересовалась Гоания.

– Ой! – округлил глаза Джориан. – Она как-то раз сказала про себя «пьянчужка с ненасытной дыркой» – прошу прощения, сударыня, – боюсь, так оно и есть. Ванора любит блуд и не делает из этого тайны, поэтому мои слова не могут ее очернить. Днем мы только и делали, что ругались да мирились. Ночью она приставала, чтоб я ей вставил фитиль, а потом насмехалась и хвастала прежним любовником, который, мол, три раза успевал, пока я на один решаюсь. Я, когда королем был, гордился, что все пять жен мною довольны, а тут одной не смог угодить. Она к тому же и не предохраняется вовсе. Короче... Ну, сам знаю, второго такого дурака, как я, во всем свете не сыщешь, чтоб в шлюху влюбился, только ничего не напишешь.

– Судя по твоим словам, – заметила Гоания, – ты ее раскусил. Как тебя, который мог выбрать лучшую женщину королевства, угораздило влюбиться в такую вздорную проститутку?

Джориан поскреб пробивающуюся бородку:

– Какое-то болезненное наслаждение. В ней что-то есть – бесстрашная прямота, неиссякаемая энергия и ум, который, ежели б им заняться, не уступил бы ученым докторам... Когда нападет охота подурачиться, она вас рассмешит почище, чем клетка с мартышками. И потом, разве можно любовь разложить по полочкам? Хоть последние два-три дня меня почти излечили. Я сочинил на эту тему стишок, но он ей совсем не понравился.

Красавица,
Зачем со мной
Быть колкой, злой?
Мне тон такой
Не нравится.
Чтоб лаяться,
Дразнить, пилить
Да поносить,
Не нужно быть
Красавицей.
Нет, не к лицу
Тебе жужжать,
Зудеть, кусать
И отравлять
Жизнь молодцу.
Исправиться
Тебе совет,
А если нет,
Прощай, мой свет,
Красавица!³

– Ты сказал «почти»?

– Так оно и есть. Ежели она сейчас подойдет виноватая, подольстится, пообещает, что будет ласковой, доброй, пить бросит, да хорошенько попросит меня взять с собой, я опять стану ее покорным рабом, хоть и знаю цену всем этим обещаниям. Благодарение Зеватасу, но она, кажись, нашла себе другого парня – он-то ей больше по вкусу.

Гоания бросила взгляд в противоположный угол, где, погруженные в пьяную дремоту, сидели Босо с Ванорой; девушка привалилась к верзиле, ее голова покоилась у него на плече.

– О Карадур, – сказала волшебница, – надо как можно скорее увести юношу из Оттомани, а то эта шлюха еще передумает. Вам знаком кто-нибудь из виндийских членов нашего братства?

– В прошлом году по пути в Ксилар я останавливался у Поррекса. Очаровательный коллега – такой добрый, деликатный.

– И большой хитрец в придачу, берегитесь его.

– Ах, такой прекрасный человек, без сомнения, достоин доверия, насколько в нашем испорченном мире вообще возможно доверие. Я имел случай воочию убедиться в его доброте и благородстве.

³ Перевод С. Мурзиной.

– Почему б тебе не поворожить, – спросил Джориан, – чтоб узнать, что сулит нам встреча с мастером Поррексом?

Гоания покачала головой:

– Занятия магией привносят в линию жизни волшебника слишком много такого, что связано с другими реальностями и измерениями. Обычному человеку вроде тебя, мастер Никко, я еще могу предсказать судьбу, а доктору Карадуру и Поррексу – нет.

– Ну так скажи, – нетерпеливо перебил ее Джориан, – что ждет меня.

– Дай руку. Когда и где ты родился?

– В Кортолии, в Ардамэ, на пятнадцатый день месяца Льва в двенадцатый год правления короля Фелина Второго, на рассвете.

Гоания тщательно изучила ладонь Джориана и на минуту погрузилась в размышления. Затем развернула свой кубок так, что на поверхности вина отразился один из светильников. Свободной рукой колдунья принялась водить над кубком, чертя пальцами непонятные узоры и что-то нашептывая себе под нос.

– Берегись, – проговорила она наконец, – окна в спальне, звенящего мужчины и бога с головой тигра.

– И это все?

– Все, что мне сейчас открылось.

Джориан, знакомый с обычаем предсказателей изъясняться туманно и непонятно, не стал выпытывать подробности.

– Ах, сударыня, чуть не забыл, – вдруг спохватился Карадур, – вы принесли то, что обещали?

Гоания порылась в кошельке и извлекла оттуда маленький пакетик:

– Порошок Раздора – пыльца огонь-травы крапчатой, собранная в месяц Волка, когда Красная планета вошла в союз с Белой. Стоит бросить щепотку в толпу, как тут же вспыхнет ссора и начнется потасовка.

– Премного благодарен, госпожа Гоания. Он может оказать нам в Тримандиламе неоценимую помощь.

Джориан:

– Неразумно топать до Виндии пешком, когда ксиларцы идут по пятам. Мы можем нанять лошадей, а пожитки нагрузить на осла.

– Сесть на лошадь? Никогда! – запротестовал Карадур. – Такое рослое животное! Я упаду и тут же переломаю все свои старые кости. Уж лучше возьми мне осла.

– Осел нас задержит.

– Не больше, чем второй – с багажом.

– Ладно, осел так осел. Когда завтра открывается лошадиная ярмарка?

Ежегодный праздник сбора урожая – Бал Привидений – жители города Виндии отмечали карнавальным шествием нечистой силы и уличными плясками. В этот день никто не работал; виндийцы в костюмах и масках бродили по городу с раннего утра. До обеда они успевали пройтись по улицам, восхищаясь нарядами прохожих и стараясь угадать, что за знатный вельможа скрывается под каким-нибудь особенно вычурным и пышным карнавальным костюмом. Главные события: шествие, пение и танцы, состязание масок – происходили под вечер.

Оставив позади виндийские пашни, над которыми красным шариком повисло заходящее солнце, Джориан с Карадуrom подъехали к Западным воротам. Расспросив стражу, они двинулись в город. Впереди на купленной в Оттомани вороной кляче ехал Джориан, за ним на ослике Карадур, ведя на поводу второго осла. Главная улица, аллея Республики, полого спускающаяся, тянулась от Западных ворот до самой набережной. Путники миновали сенат, магистрат и другие общественные здания, в которых строгая простота классического новарского стиля начисто сводилась на нет цветистыми вычурными украшениями в мальванском духе.

Поррекс, по словам Карадура, жил рядом с набережной; туда они и направились, прокладывая себе путь сквозь толпы богов, демонов, привидений, вурдалаков, скелетов, ведьм, эльфов, троллей, вервольфов, вампиров и еще какой-то нечисти из мальванских преданий. Мальванское влияние было заметно не только в архитектуре и одежде, но и в самих жителях Виндии – смуглых и черноволосых. Когда какой-то гуляка, вырядившийся богом войны Гериксом, задел лошадь Джориана надувным пузырем на палке, тому стоило большого труда удерживать животное в повиновении.

Они наняли комнату у набережной, поставили лошадь и ослон на конюшню и разыскали жилище волшебника Поррекса. Поррекс снимал комнату над мануфактурной лавкой.

– Заходите, судари мои дорогие, заходите! – крикнул им сверху Поррекс. Это был кругленький лысый коротышка с голубыми глазами, почти утонувшими в складках жира. – Старый добрый Карадур! Как я счастлив, что вы снова здесь! А ваш спутник... нет-нет, я попробую угадать... Джориан, сын Эвора, бывший король Ксилара! Входите же, входите. Присаживайтесь. Позвольте плеснуть вам пива – другого ничего не держу.

Каморка была обставлена довольно скудно: расшатанная кровать, колченогий стул, стол и небольшой книжный шкаф, по полкам которого были рассованы два-три ветхих пергаментных свитка, а на крышке валялись несколько манускриптов с загнутыми страницами. Убогую обстановку дополняли два сундука у стены и акварельная картинка, которая изображала бога Псаана, ведущего колесницу по бурным морским волнам.

Свечной фонарик со стеклянными окошками разливал по комнате тусклый свет. Когда Поррекс умолк, нависла такая тишина, что казалось, пролети муха, и то будет слышно.

– Меня, сударь, – сказал Джориан, – зовут Никко из Кортолии. От кого ты знаешь то, другое имя?

– Сударь мой дорогой, какой же я был бы прорицатель, если б не умел угадывать такие простые вещи? Но коль тебе угодно быть Никко, зовись Никко, – подмигнул Поррекс. – Жаль, что не могу принять тебя во дворце с угощением и танцовщицами: дела мои в последнее время пришли в упадок, не то что прежде. Вот приходится экономить. Однако уверяю тебя, это ненадолго; не позднее чем через месяц у меня появится несколько новых клиентов, и я опять разбогатею. До тех пор живу по умению, а не по хотению. Но расскажите о себе. Насколько я понял, мастер Никко предпочитает находиться подальше от Ксилара?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.